

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 11-010

ПРЕДАТЕЛИ ВОЙСКО БЕЗ ЗНАМЕН

И.Г. Атаманенко

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Гриф секретности снят

Игорь Атаманенко

Предатели. Войско без знамен

«ВЕЧЕ»

2012

Атаманенко И. Г.

Предатели. Войско без знамен / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-9533-4143-1

В предлагаемой книге автор отслеживает случаи предательства, которые, с одной стороны, поражают воображение уровнем нанесенного финансово-материального ущерба, с другой – необъяснимы с точки зрения ординарной людской логики и психологии. Рассмотренные казусы имели место в среде научно-технической интеллигенции и элиты офицерского корпуса – сотрудников спецслужб – Советского Союза, Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в последней трети XX – начале XXI века. Анализируя их преступные деяния, автор пришел к выводу, что не всегда в основе даже оглушительно громких случаев предательства лежит интерес к деньгам. Поэтому исследованию подвергалось не столько само событие, сколько причины и мотивы, способствовавшие его совершению...

ISBN 978-5-9533-4143-1

© Атаманенко И. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Предисловие	6
Шпион по протекции	8
Я в шпионы бы пошел – пусть меня научат!	8
«Краткий курс молодого шпиона»	9
Задачи поставлены, цели определены – за работу!	10
Секретный агент ошибается только раз...	11
Библейские предания как оправдания	12
Плащ и кинжал «чистого ученого»	13
Эпилог вместо вступления	14
Как наказать скупую Родину-мать	16
Cherchez la femme!	18
Свободная дискуссия – способ выведывания секретов	20
Свехприбыльный агент ЦРУ	23
Глава первая. Хочу быть шпионом!	23
Особенности национальной охоты на резидента	23
Если долго мучиться – что-нибудь получится!	25
«Первый тайм мы уже отыграли...»	26
«Только раз бывают в жизни встречи...»	27
Кто вы, мистер Толкачев?	28
«А пароль ты услышишь в припеве...»	30
Глава вторая. Шпионские балы-маскарады	32
«Джек в коробке»	32
Мистер «Инкогнито»	34
Глава третья. Трудовые будни – праздники для нас!	38
Храните деньги в сберегательных «баксах»!	38
Ах, эта фотосъемка!..	40
Ведомственные восторги	41
«Если смерти, то мгновенной...»	41
Дуэль «радиовыстрелами» без секундантов	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

И. Г. Атаманенко

Предатели. Войско без знамен

©Атаманенко И.Г., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предатели, быть может, кому-то и симпатичны, но предательство ненавистно всем...

Предисловие

Увлечшись спорами о том, какая из двух древнейших профессий – проституция или шпионаж – появилась раньше, исследователи оставили без внимания еще один вид деятельности, также претендующий на статус древнейшего, – предательство.

Предательство в форме измены родине существует с тех пор, как общность людей превратилась в государство, и со шпионажем следует стопа в стопу, плечо к плечу.

В истории земной цивилизации бессчетно много примеров, когда предатели (изменники) пренебрегали долгом чести и морали, попирали законы человеческого общежития, вероломно нарушали воинскую присягу.

Например, 300 спартанцев во главе с царем Леонидом во время греко-персидской войны стойко обороняли Фермопилы и устояли бы, но все пали смертью храбрых в результате предательства, когда двурушник провел воинов Ксеркса им в тыл.

Афинский стратег Алквиад покинул войско в переломный момент Пелопоннесской войны и перешел на сторону Спарты.

Гетман Мазепа предал Петра Великого и переметнулся к шведскому королю Карлу XII...

Примеры предательства (измены) военачальников далекого прошлого можно множить бесконечно, но в книге рассматриваются случаи, которые имели место в среде научно-технической интеллигенции и элиты офицерского корпуса – сотрудников спецслужб – Советского Союза, Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в последней трети XX – начале XXI века.

Более того, автор пытается осмыслить именно те казусы, которые, с одной стороны, поражают воображение уровнем причиненного финансово-материального ущерба, с другой – необъяснимы с точки зрения ординарной людской логики и психологии.

Анализируя преступные деяния указанных категорий лиц, автор делает вывод, что не всегда в основе оглушительно громких случаев измены родине лежит интерес к деньгам. Поэтому исследованию подвергалось не столько само событие предательства, сколько причины и мотивы, способствовавшие его совершению.

В этой связи показательными представляются случаи измены родине высокопоставленным сотрудником Федерального бюро расследований США Робертом Хансеном и генерал-майором Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР (ГРУ) Дмитрием Поляковым.

Неудовлетворенность своим положением в системе координат родной спецслужбы заставила Хансена обратиться с предложением своих услуг КГБ. Но более денег Хансена увлекала возможность водить за нос начальство, обладать большей, чем оно, информацией, считать себя мудрее, прозорливее и предприимчивее своих коллег.

К обуславливающим его поступки факторам можно также отнести и то обстоятельство, что, будучи интеллектуально на голову выше своих сослуживцев и начальников, Хансен не только критично оценивал их умственные способности и культурный уровень, но и втайне презирал их. Сотрудничая сначала с советской и затем с российской разведкой, он потешался над своими коллегами и находил в этом своеобразное удовольствие.

Казус Дмитрия Полякова уникален по многим признакам.

Во-первых, потому, что в системе военной разведки он сумел так высоко подняться и приобрести охранную грамоту в виде генеральского звания. Во-вторых, по сроку – 25 лет, – что предатель «таскал из огня каштаны» для ФБР и ЦРУ. В-третьих, по объему и ценности переданной им противнику информации. В-четвертых, потому, что Поляков за все время работы на США не попал в поле зрения нашей контрразведки, а был разоблачен лишь благодаря нашим «кротам» в американских спецслужбах. Наконец, потому, что руководство ГРУ, однажды про-

игнорировав сигнал о шпионском промысле Полякова, никогда не пыталось провести надлежащего расследования, поскольку не желало выносить сор из избы.

На следствии выяснилось, что генерал был предателем по убеждению. Отвергая политические ориентиры советского правительства времен хрущевской «оттепели», Поляков считал, что руководство СССР незаслуженно попирает и предает забвению идеалы сталинской эпохи, за которые он 1419 дней сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Но основным побудительным мотивом, толкнувшим его в объятия спецслужб противника, была месть за младенца-сына, которого можно было спасти, но из-за равнодушия руководства ГРУ он безвременно погиб.

Безусловный интерес для читателя представляют рассекреченные материалы о сотрудничестве московской резидентуры ЦРУ и сверхприбыльного агента «Сфизэ» – ведущего конструктора Всесоюзного НИИ Министерства радиопромышленности СССР «Фазотрон» Адольфа Толкачева. Он, нанеся своей маниакально-преступной деятельностью многомиллиардные убытки СССР, преподнес США на блюдечке с голубой каемочкой всю нашу военную авиарадиоэлектронику.

Казус Толкачева – доказательство тому, что не только в основе отдельных быстро нажитых состояний XX века лежит преступление, порой своим процветанием ему обязано и такое государство, как Соединенные Штаты Америки...

О том, как ЦРУ и Министерство обороны США высоко оценивали своего агента и как щедро оплачивали его услуги, можно судить по одному факту. Пытаясь уничтожить улики своей преступной деятельности, «Сфизэ» сжег более 400 000 рублей (на эти деньги в 1985 году можно было приобрести более (!) 60 автомобилей «Жигули» ВАЗ-2101), но даже после этого у него дома при обыске были изъяты около полутора миллионов рублей. Кроме того, два с половиной миллиона долларов были депонированы на банковских счетах Толкачева в Соединенных Штатах Америки.

Не пытаясь ответить на вопрос, почему некоторые лидеры СССР, рядясь в тогу защитников советского строя, своими преобразованиями подрывали его устои и дискредитировали идею социализма в глазах мировой общественности и своего народа, автор акцентирует внимание лишь на фактах их политической биографии. Эти факты, разумеется, никогда не освещались в советской прессе и никогда не подвергались анализу и критике современников.

Кроме прочего, прочитав книгу, читатель удовлетворит свое естественное любопытство и побывает «на кухнях» – в штаб-квартирах – самых сильных спецслужб мира – КГБ и ЦРУ, где готовились самые «пикантные блюда» – операции разведки и контрразведки по проникновению в тайны за семью печатями или противодействию таковому...

Шпион по протекции

Я в шпионы бы пошел – пусть меня научат!

Казус с Владимиром Поташевым, доктором наук, старшим сотрудником отдела военно-политических проблем Института США и Канады Академии наук СССР, уникален хотя бы потому, что он предложил себя в качестве шпиона не кому-нибудь, а самому министру обороны США Гарольду Брауну...

В 1976 году, во время визита Брауна в Москву, тогда еще в качестве главнокомандующего ВВС США, Поташев работал его переводчиком. Он настолько понравился американцу, что тот через некоторое время прислал толмачу приглашение посетить Соединенные Штаты.

В 1981 году Институт направил Поташева в долгосрочную командировку в Вашингтон на переговоры по ограничению стратегических вооружений. Браун – к тому времени уже министр обороны США – встретил старого знакомого радушно, но, сославшись на занятость, поручил своему адъютанту заняться русским. Каково же было удивление министра, когда Поташев, нарушив все нормы протокола, взял Брауна за локоть и прошептал ему на ухо: «Господин министр, я прошу Вас устроить мне частную встречу с офицером ЦРУ!»

Оторопевший от такого беспардонного предложения министр, несмотря на провокационность просьбы, ответил согласием.

С уверенностью можно сказать, что это был первый случай в истории агентурной деятельности спецслужб, когда министр обороны великой державы протезировал вербовку секретного источника из противоборствующего лагеря.

«Краткий курс молодого шпиона»

Церэушники в спешном порядке стали проводить с Поташевым конспиративные встречи – ведь до его отъезда из Вашингтона оставалось совсем немного времени, к тому же необходимо было выяснить психологию «новобранца», шкалу его ценностей. Оказалось, что основной характерной чертой свалившегося на их головы добровольного рекрута является жадность к деньгам. Об этом стало известно на первой же явке.

После взаимных приветствий Поташев, тоном, не терпящим возражений, потребовал немедленно открыть ему счет в каком-нибудь американском банке. Пришедшие на встречу с новобранцем его будущие «кукловоды» понимающе переглянулись – это же мощный рычаг, умело пользуясь которым можно максимально использовать ресурс кандидата в шпионы.

Однако позвольте, мистер Поташев, если вы торопитесь наверстать упущенное вами, то нам вовсе некуда спешить! Сначала давайте разберемся, кто есть who!

Поташев будто только этого и ждал. В своей подобострастной искренности он был неудержим. Он признался американским разведчикам, что поддерживает негласную связь с КГБ, даже назвал свой оперативный псевдоним. Поначалу у бравых молодцев из Лэнгли это вызвало оторопь, но затем они смекнули, что тем проще Поташеву будет решать интересующие их проблемы – он ведь пользуется доверием сотрудников КГБ, обслуживающих Институт!

* * *

За короткий срок инструкторы из Лэнгли натаскали Поташева, как выполнять задания, не привлекая к себе внимания окружающих, как поддерживать связь с резидентурой ЦРУ, действующей под прикрытием посольства США в Москве.

Кроме того, учеба предусматривала овладение «Медиумом» – оперативный псевдоним, который Церэушники вручили инициативнику, – навыками шифрования и дешифровки сообщений, способами нанесения тайнописи, использования международной почтовой переписки, приема и расшифровки кодированных радиопередач.

Впрочем, ничего нового в программе подготовки агента-новобранца не было. «Курс молодого шпиона», который постиг Поташев в Вашингтоне, ничем не отличался от того, что проходят все иностранцы, вербуемые американцами на территории США, и те, чье предназначение – работать под началом резидентуры ЦРУ в Москве.

Задачи поставлены, цели определены – за работу!

Как и было обусловлено, Поташев выждал полгода, а затем поставил метку, означавшую, что он готов приступить к выполнению заданий. Метка была поставлена на маршруте движения американских дипломатов. Через пять дней на квартире агента раздался телефонный звонок. В кодированной беседе «Медиуму» было сообщено, где для него заложен тайник. В нем инструкции, средства конспиративной связи и, разумеется, деньги.

...Поташев сообщил своим операторам исчерпывающую информацию об Институте США и Канады, ввел в курс проблем и научных разработок, которые были актуальны на тот период.

Предатель передал американцам аналитическую справку о перспективах переговоров между США и СССР по ядерным вооружениям средней дальности, известные ему данные о том, до какого предела советская делегация намерена идти на уступки, свой прогноз о развитии противоречий в высшей советской партноменклатуре, которые возникли вслед за выдвинутой Рейганом идеей по так называемому «нулевому варианту».

В 1983 году «Медиум» консультировал ЦРУ по позиции Юрия Андропова (лидер-загадка для Запада!) на очередном раунде переговоров по ядерным вооружениям. Когда же в 1984 году по инициативе советской стороны были прерваны переговоры с США по ограничению и сокращению стратегических вооружений и ограничению ядерных вооружений в Европе, агент подготовил долгосрочный прогноз о перспективах развития политических и военных отношений между двумя сверхдержавами, четко сформулировав позицию Советского Союза.

«Медиум» своевременно известил своих заокеанских работодателей о создании в структуре Министерства обороны СССР нового органа управления – Командования военно-космическими силами. В качестве дописка не преминул сообщить о причинах отсрочки запуска советского космического корабля многоцелевого использования «Буран».

Надо откровенно сказать, что донесения сверхинформированного агента сыграли пагубную для нас роль, особенно в период, когда Вашингтон принимал решение о выходе из Договора по противоракетной обороне и о расширении блока НАТО на Восток...

Секретный агент ошибается только раз...

Поташев «таскал каштаны из огня», не щадя живота своего. Желание урвать как можно больше валюты было доминирующим. А тут ему случилось по пьянке разбить свой «жигуль», обзавестись пятью молодыми любовницами, алчущими дорогих шуб, золотых украшений, развлечений в злачных местах столицы!

Жадность в конце концов и сгубила «Медиума».

Из кабинета директора Института он похитил справочник правительственной связи, наивно полагая, что сорвет за него баснословный куш. Увы! Справочник давно уже не являлся секретным документом, а проходил под грифом «для служебного пользования». Начатое расследование вывело наших контрразведчиков на Поташева. За ним установили круглосуточное наблюдение, в ходе которого были получены неопровержимые доказательства его преступной связи с разведчиками американской резидентуры в Москве.

Библейские предания как оправдания

Когда в 1986 году Поташева разоблачили как американского шпиона и арестовали, он буквально огорошил следователей историей, наверняка почерпнутой им из какого-то американского боевика. Рассказал, что его, честного советского ученого и дипломата, американское разведсообщество в результате многоходовой операции заманило в ловушку, и четверо гориллоподобных мачо, накачав наркотиками, угрозами и пытками принудили работать на ЦРУ.

Поняв несостоятельность своих выдумок, Поташев, перестроившись на ходу, обратился к христианской мифологии, попытался свою измену преподнести как феномен, естественно присущий человеческой природе. Демагог по призванию, Поташев за основу взял два библейских события.

Следуя абстрактной логике, он в весьма оригинальной трактовке подал противостояние Иисуса Христа и Иуды Искаротиота. Согласно сделанному им, без преувеличения сенсационному, открытию, выходило, что Иисус, чтобы сбылось предсказание пророков, сам побудил Иуду совершить «священное предательство». Поэтому-де Иуда, – делал заключение экс-ученый, – и не пытался его скрыть, что обычно делают предатели. В том же духе Поташев интерпретировал и поступок Каина. Убив брата, он не предал его, а лишь принес кровавую жертву Богу.

Следователи уличили изменника в плагиате. До него то же самое утверждал некто Херман Левин-Гольдшмидт, отвязной теолог, состоящий на иждивении у западных спецслужб. Этот, с позволения сказать, клерикал, в своих трудах, датированных началом 1980-х годов, выворачивал наизнанку Библию, пытаясь облагородить смертный грех – измену. Он оправдывал предательство, используя исторические аналогии, представлял измену как вселенски обусловленное явление. Смотрите, дескать, делали же это праотцы рода человеческого, почему же нам запрещено?

На этом же настаивал и Поташев, но советская судебная практика всегда была безжалостна к шпионам – для них все заканчивалось расстрельным приговором.

Однако помощь изменнику пришла оттуда, откуда ему и в самых радужных снах не могло пригрезиться. Видимо, при рождении сам Бог поцеловал его в маковку. Ибо его судьбу решил... президент США Рональд Рейган, находившийся с официальным визитом в Москве. Сделал он это во время неофициального ужина весьма оригинальным манером, задав лишь один вопрос: «Господин Горбачев, шпионаж – это война без трупов, не правда ли?»

Контекст был подходящий, и Горбачев сразу понял, что и кого имеет в виду Рейган.

Несмотря на то что Поташев нанес нашей стране не только политический, военно-стратегический, но и материальный урон, исчисляемый миллиардами долларов, по высочайшему повелению Михаила Горбачева он не был расстрелян, а осужден на 13 лет. Что поделаешь – перестройка...

...Спустя шесть лет, в 1992 году, Поташева выпустили по амнистии. Он тут же получил в ОВИР МВД загранпаспорт, американскую визу, и отбыл за океан.

В настоящее время Поташев живет в США на пособие от американского правительства, как «лицо, пострадавшее в результате сотрудничества с ЦРУ».

Плащ и кинжал «чистого ученого»

В мае 2011 года Европейский суд по правам человека обязал Российскую Федерацию выплатить 20 тысяч евро в качестве компенсации Игорю Сулягину, который в 2004 году Мосгорсудом был приговорен к пятнадцати годам лишения свободы по обвинению в шпионаже.

Согласно постановлению Европейского суда, в России было нарушено не только право Сулягина на «справедливое судебное разбирательство», но, оказывается, он был еще и обвинен в деяниях (в шпионаже!), которых в действительности не совершал...

Эпилог вместо вступления

Утром 27 октября 1999 года на калужском вокзале сотрудники местного Управления ФСБ взяли Игоря Вячеславовича Сутягина, научного сотрудника Института США и Канады Академии наук РФ, когда он садился в вагон скорого поезда, следовавшего через Калугу в Москву. Взяли не с поличным, что мгновенно создало проблемы. Ведь для того, чтобы возбудить уголовное дело против объекта оперативной разработки, нужно иметь доказательную базу. Но вскоре доказательная база была найдена – книга «Стратегия ядерного вооружения России» (Москва, 1998), в которой была опубликована статья Сутягина. Факт этой публикации позволил УФСБ по Калужской области инкриминировать Сутягину «разглашение секретных данных» и в дальнейшем провести все необходимые следственные действия.

Но не прост Игорь Вячеславович, ох как не прост! Чтобы обезопасить себя, он в библиографическом списке литературы, использованной при подготовке данной главы, в качестве первоисточников указал несметное число статей в журналах и в газетах. Следствию пришлось перелопатить монбланы печатных изданий, просеять тонны информации, разбираясь, мог ли «чистый ученый», коим себя позиционировал Сутягин, из открытых источников заполучить заявленные им в книге сведения или нет. Как выяснилось, нет, не мог. Все привлеченные эксперты дали на этот счет категоричное заключение. Именно поэтому, чтобы избежать накладок, Сутягину были вменены пять чистых эпизодов – тех, которые невозможно было получить из открытой печати.

...Доброжелательность следователей на первых допросах Сутягин ошибочно воспринял как «приглашение к танцу», решив, что его собираются использовать в качестве двойного агента, и был готов сдать своих англосаксонских хозяев, откровенно рассказывая все, как было в действительности.

Когда же Сутягин понял, что ФСБ в его услугах не нуждается, его поведение претерпело три стадии. Сначала он попытался переиграть «калужских колхозников из ФСБ», доказывая, что он – «чистый ученый», который делает свои умозаключения, роаясь в литературе широкого доступа. Затем, куражась, стал откровенно валять дурака, издеваясь над следователями. И, наконец, «ушел в полный отказ», то есть отрицал даже очевидное или вообще хранил молчание...

* * *

Для сокрытия контактов с иностранными кураторами Сутягин выезжал в третьи страны, где проводились научные конференции и симпозиумы, – пустой, без «копья в кармане», а возвращался с весомым гонораром, что наглядно демонстрировали заполненные им собственноручно таможенные декларации.

Так, он не раз заявлял на предварительном следствии: *«Это не я писал, вы сами заполнили декларации».*

Следователи вынуждены были организовывать по каждому эпизоду графологическую экспертизу. Доказали – писал он!

Слуховой контроль в квартире зафиксировал фразу, брошенную объектом своей жене: *«Я сегодня наразведывал тыщи на две фунтов стерлингов....»*

На вопрос следователя, о чем конкретно шла речь, Сутягин отвечал: *«Нет, я этого не говорил!»* – пришлось проводить фонографическое и лингвистическое исследование, которое подтвердило: да, говорил он!

В ходе судебного разбирательства нашли подтверждение все данные, добытые оперативным путем – с помощью наружного наблюдения и аудио– и видеоконтроля.

Было доказано, например, что Сутягин, едва в апреле 1999 года начались натовские бомбардировки Белграда, инициативно проинформировал американского военного атташе в Москве бригадного генерала Брэннона о предназначении российского разведывательного корабля «Лиман» (замаскированный под рыболовецкий траулер, он был направлен в Средиземное море). Сутягин документально успокоил военного атташе, что никаких ракетных залпов «Лиман» по объектам НАТО производить не будет.

Своими донесениями «чистый ученый» Сутягин помог американцам сэкономить пару сотен миллиардов долларов, так как его расчеты убедили их не тратить деньги на постройку новых авианосцев. Как? А просто – в то время Соединенные Штаты намерены были заложить, а затем ввести в строй три суперавианосца, каждый из которых обошелся бы федеральной казне не менее, чем в 35 миллиардов долларов! Благодаря аналитическим справкам ученого-отступника военное министерство США стало уделять внимание только строительству атомных субмарин, отказавшись от возведения авианосцев-динозавров.

Но главное, что передал Сутягин Соединенным Штатам, – планы и тенденции развития группировки Ракетных войск стратегического назначения вплоть до 2007 года. Кроме того, он изготовил для американцев аналитическую справку о составе, технических характеристиках и состоянии российской Космической группировки системы предупреждения при ракетном нападении противника (читай: американцев).

* * *

Несмотря на колоссальное психологическое давление на следствие и на суд со стороны внешнеполитических ведомств некоторых стран – участниц НАТО и (!?) отдельных изданий российской прессы, дело было доведено до логического завершения.

Суд доказал, что главным побудительным мотивом Сутягина в шпионском промысле являлась корысть. Он хотел заработать деньги на квартиры для своих родственников, которым – младшему брату и жене – был обязан всем, что имел.

Вторым ведущим мотивом – как это было установлено следствием и затем доказано в ходе судебного разбирательства – явилось желание Сутягина во что бы то ни стало создать себе имидж «великого ученого». Будучи человеком тщеславным с завышенной самооценкой, он стремился любой ценой добиться признания в глазах мировой научной общественности. Да, цель благородная, но средства-то негодные!

И хотя на продаже Родины заработал Сутягин немало, но это крохи в сравнении с тем, что поимели англо-американские спецслужбы, и с их помощью англосаксонский истеблишмент, который нажился, скупив за гроши российские военные секреты. Доказательства? Вот одно из них – на процессе у «нищего» Сутягина было (!) четыре адвоката, причем Борис Кузнецов – мировая знаменитость (ныне скрывается в США). Откуда деньги? Из казны ЦРУ и СИС, вестимо! Англосаксы сделали все, чтобы дело Сутягина было развалено в суде, – не получилось!

Как наказать скупую Родину-мать

Весной 1998 года на научном семинаре в Бирмингемском университете (Великобритания), который так же, как Колумбийский университет США, является оранжереей по взращиванию агентов влияния в российских госструктурах, Игорь Вячеславович Сутягин «случайно» познакомился с обаятельным бизнесменом, который представился Шоном Киддом, владельцем консалтинговой фирмы «Alternative Future» – «Альтернатива будущего». Этот персонаж был подобран английской Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС), с учетом его психологической совместимости с Сутягиным – рост, комплекция, возраст, даже степень облысения, не говоря о блестящем владении русским языком, были учтены. Имя и документы, его подтверждающие, выданы, разумеется, все той же синекурой – СИС. Кстати, этот «коммерсант» так и не был предъявлен общественности. Не человек – призрак. После того как разразился скандал, он буквально испарился, впрочем, как и фирма, которую он представлял.

...Вскоре молодые люди прониклись такой взаимной симпатией, что стали называть друг друга уменьшительно-ласкательными именами. Кидд, испытывая «дружеские» чувства к своему психологическому двойнику, предложил ему составлять аналитические обзоры для своей консалтинговой фирмы «Альтернатива будущего» (это название всплыло лишь в деле Сутягина, хотя ни до, ни после о ней никто и ничего не слышал).

Со слов англичанина, его фирма «консультирует от Финляндии до Чехии», а также (!) боится инвестиционные риски на российском рынке. Ну а кто лучше «душки Игорька», ставшего к тому времени заведующим сектором отдела военно-политических проблем Института США и Канады Академии наук РФ, подскажет, вкладывать ли средства в колбасное или молочное производство!

«А в чем, собственно, проблемы?» – мысленно задал себе вопрос Сутягин. – Почему бы не наказать скупую Родину-мать, которая мне, гению, выплачивает ежемесячно лишь 900 рублей, – тогда как новые работодатели за каждую статью на интересующую их тему готовы платить по 700 английских фунтов стерлингов наличными?!»

Внутренне Сутягин уже готов был сотрудничать с любой подвернувшейся «альтернативой», поэтому наживку, подброшенную «душкой Шоником», он заглотив влет. Коготок увяз – всей птичке пропасть.

Однако шефы Шона-вербовщика не спешили переходить к интересовавшим их проблемам. Полгода они держали Сутягина на карантине – проверяли, не является ли потенциальный новобранец подставой ФСБ. О том, что кандидат на вербовку обладает феноменальной памятью, аналитическими способностями и широкими возможностями добывать интересующую их информацию, им уже было известно от его визави – господина Поташева, который делил с Сутягиным один кабинет, сидя за столом напротив...

...Все шесть месяцев Игорь за счет вербовщиков летал в Европу для встреч с Киддом, но ни в коем случае не в Англию, а в столицы третьих стран – конспирация превыше всего!

За официальными переговорами следовала развлекательная программа с обязательным посещением стриптиз-клубов, интимных салонов, казино и других увеселительных заведений, где Сутягина снимали «в полный рост» на видео- и фото пленку.

«Душка Шоник» успокаивал: все оплачено фирмой «Альтернатива будущего».

Сутягин, наплевав на должностные инструкции, никогда не ставил в известность руководство Института о своих зарубежных вояжах. Но однажды, находясь в одном будапештском кабаре, был застигнут врасплох.

«А ты где? – услышал он в мобильнике голос своего шефа Рогова. – Мы тут с ног сбились, разыскивая тебя! Приезжай немедленно!»

Наш антигерой нашелся вмиг:

«Я – в Подмосковье. На дне рождения друга. Приехать не могу – выпил много. Вдруг да нарвусь на ментов – загребут в вытрезвитель!»

Куратора Института по безопасности полковника Агеева о контактах с иностранцами Сутягин информировал избирательно, лишь тогда, когда ему это было выгодно. Но об «Альтернативе будущего», о своих контактах с Киддом и об интересующих его сведениях, а также о поставляемой ему информации и получаемых за это денежных средствах Игорь Вячеславович – Боже упаси! – не заикнулся ни разу...

Во время одного допроса на замечание следователя, почему он не сообщал о контактах с представителями таинственной фирмы – «Альтернативы будущего» – офицеру, ответственному за контрразведывательное обеспечение Института, Сутягин заявил: *«А мне не нравились его глаза!»*

А на суде он сослался на то, что Агеев, дескать, его об этом не спрашивал.

Обвинением ему тут же был задан вопрос: *«Как мог спрашивать полковник Агеев о том, чего не знал?!»*

Вопрос остался без ответа.

Суд пришел к заключению, что Сутягин производил целенаправленную селекцию информации, и ту, которую считал для себя опасной, не докладывая ни руководству, ни сотруднику безопасности Института.

Cherchez la femme!

Однажды в мужской клуб «двух душек» – Игорька и Шоника – грубо вторглась женщина, представившаяся страховым агентом Надей Локк. Разумеется, под указанными анкетными данными эта дама бальзаковского возраста нигде не значилась. Но дело, в общем-то, не в этом...

Не дослушав до конца пустопорожнюю болтовню двух опьяневших мужчин, Надя, глядя Сутягину прямо в зрачки, на безупречном русском спросила, что ему известно о неакустических методах обнаружения подводных лодок.

Как только она поняла, что Сутягин отрезвел от вопроса, она добавила: *«Меня интересуют подробности “Акулы”, новой российской субмарины!»*

Игорь с тоской подумал, что режиму «свободного поиска», в котором он работал с «душкой Шоником», пришел конец – уж слишком безапелляционно дама требовала ответов на свои предельно четкие вопросы. Да и Кидд, как только Сутягин переводил взгляд на него, прося моральной поддержки, молча втягивал голову в плечи и отворачивался. Судя по всему, право верховенства теперь будет принадлежать Наде!

Сутягин для приличия все же поартачился, но, как только в руках Нади захрустели 1500 английских фунтов стерлингов, речь его стала связной и полилась безостановочно.

С того вечера Сутягина начала курировать Локк. О, эту «охотницу за головами» интересовало многое в российском вооружении!

Но это – потом, а для начала Локк, как опытный стратег, провела перестроение боевых порядков по всему фронту. В переводе на язык спецслужб это означало, что новобранец должен быть обучен элементарным правилам конспирации, кроме того, с ним нужно оговорить способы связи, время и места явок и т. д.

Прежде всего, Локк категорически запретила Сутягину звонить в офис фирмы-прикрытия – в «Альтернативу будущего» – только на ее мобильный телефон.

Во-вторых, что важнее – «душка Игорек» прибывать на явки должен только в пятницу, то есть накануне уик-энда. Руководство Института, по мнению Нади, не решится нарушить конституционное право Сутягина на отдых в выходные дни.

В-третьих, Локк подарила Сутягину особый электронный блокнот, в котором он в зашифрованном виде должен был фиксировать выполнение заданий для последующего отчета.

Как оказалось впоследствии, блокнот являл собой мину замедленного действия для «чистого ученого» Сутягина. Вместо того чтобы уничтожить все ранее выданные Киддом ежедневники, Игорь их содержание перенес в электронный блокнот. Для технарей из ФСБ извлечь из него информацию труда не составило...

* * *

Именно в те три дня творились дела Иудины. В первый – продажа секретов Родины. Тщательный инструктаж – суть подстрекательство к похищению российских военных и государственных тайн – во второй. Ну и, наконец, на третий – вручение-получение тридцати серебряников.

Было так.

В пятницу Сутягин вселялся в заранее оплаченный куратором в юбке номер гостиницы в столице третьей страны, ну, скажем, в пражском «Палас-Отеле». В тот же день ему предстоял опрос с пристрастием по темам, которые ему были вменены для проработки на предыдущей явке.

На второй день, в субботу, представленная им информация перепроверялась через возможности – агентурные, военные, технические, дипломатические и т. д. – англо-американских спецслужб.

Наконец, на третий день, в воскресенье, формулировались задания и обсуждались пути и сроки их выполнения «чистым ученым» Сутягиным.

Перед отлетом ему выдавалось очередное вознаграждение в условных единицах, как правило, это были английские фунты стерлингов. Это обстоятельство впоследствии помогло следствию сформировать доказательную базу о выплате Сутягину вознаграждения за его преступные деяния – в таможенных декларациях он указывал количество ввозимой в Россию иностранной валюты.

Размер вознаграждения зависел от ценности и объема представленной Сутягиным информации.

* * *

С появлением Нади Локк в качестве непосредственного куратора Сутягина пришел конец «мальчишникам» в стриптиз-клубах, до которых был так охоч «душка Шоник». Теперь – только деловые встречи – суть явки.

Одна из встреч Сутягина с Локк состоялась в мае 1999 г. в специально снятом номере отеля «Бристоль», когда в Бирмингеме проходила плановая научная конференция, организованная обществом «Великобритания – Россия». На это время все остальные участники-россияне были выведены из гостиницы на ознакомительную экскурсию по городу.

В следующий раз Сутягин встретился с Локк в июле 1999 г. в Брюсселе, куда он прибыл по частному приглашению во время своего отпуска. О, эту явку Сутягин недобрым словом помянул даже на допросах!

В номер гостиницы Локк приволокла... «Графики эффективности» деятельности «чистого ученого»! Едва переступив порог номера и буркнув «хэллоу», Локк, не медля ни секунды, открыла принесенный ноутбук и менторским тоном стала давать пояснения диаграммам на экране. Светящиеся на дисплее графики показали, что уровень эффективности «исследовательской работы» Сутягина оценивается в 0,5, тогда как идеальный график должен составлять не менее 0,85—0,9. Через минуту Игорь уже знал, почему так низок балл, выставленный ему куратором в юбке, – психологический прессинг был лишь увертюрой. Либретто – суть задание – последовало незамедлительно и включало:

- вопросы модернизации истребителей МиГ-29 СМТ и СУ-27;

- модернизацию системы ПВО и ПРО России;

- схема противотанковой обороны пограничных с Прибалтикой областей Российской Федерации.

Но особенно интересовали Локк уязвимые места в перечисленных системах и схеме.

Кроме того, повышенное внимание она уделила разногласиям между министром обороны Сергеевым и начальником Генштаба Квашниным, а также реакции высших офицеров российской армии на изменения в структуре Министерства обороны России...

И что вы думаете? Любимец российских правозащитников «чистый ученый» Сутягин задание выполнил! Вот только «душители демократии» из ФСБ не дали отчитаться перед хозяевами на запланированной явке, которая должна была состояться в Риме 28 октября 1999 года.

Свободная дискуссия – способ выведывания секретов

Благодаря недобросовестным российским журналистам в нашем обществе существует заблуждение, что Игорь Сутягин – кабинетный ученый, «книжный червь», который все свое рабочее и свободное время занимался исключительно анализом политической, военной, технической и другой специальной литературы. Как бы не так!

Сутягин по собственной инициативе посещал режимные объекты, что отнюдь не входило в его должностные обязанности. И денег за это не получал. Во всяком случае, из российской казны. Хотя это было вполне допустимо для обеих сторон. Более того, на необходимость официального оформления проводимых лекций ему не раз указывало руководство Института.

Так, например, он читал лекции по военной политике США и договорам СНВ и ПРО в Центре переподготовки ракетчиков имени Петра Великого и еще в десятке подобных заведений.

Лекции «чистый ученый» проводил в форме доверительной беседы – слушатели задавали вопросы, он на них отвечал, встречно задавая свои. В конце устраивал дискуссии, в ходе которых, сопоставляя данные по американскому и российскому вооружению, получал от слушателей интересующую его информацию. Как? А просто! Доверчивые слушатели зачастую подкрепляли свою аргументацию совершенно секретными данными. Этого было достаточно, чтобы Сутягин, опытный аналитик, инженер-физик, к тому же обладающий феноменальной памятью, мог легко вникнуть в реальное положение дел в интересующей его военной области.

Одна из тем, которую он выведывал на секретном ядерном объекте в Обнинске, где проходили переподготовку офицеры атомных подводных лодок, – уязвимые места АПЛ.

Пользуясь развалом системы допусков, Сутягин, как уже было отмечено, на секретные объекты проникал инициативно – через личные знакомства с офицерами, а те, думая, что имеют дело с сотрудником ГРУ или СВР, охотно приглашали его. Ничего не скажешь, умел Игорь Вячеславович завернуть воздушный шарик в яркую упаковку – подать себя в том амплуа, которое тешило самолюбие его контрагентов. Ко всему, козырял набором фотографий, где он позировал с известными военачальниками. С показной небрежностью рассказывал, как в составе военных делегаций выезжал в США и в другие заморские страны. . .

Вопросы слушателям своих лекций Сутягин задавал так, чтобы вызвать их на откровенность. Сопоставлял: «у нас» – «у них». Это называется – «добыть секретную информацию *способом выведывания*». Именно таким способом он пытался заполучить данные о проекте «АПЛ 705» – о гидроакустике на наших атомных субмаринах. Или: как удастся совместить разнородные металлы на судне, в том числе и на атомных подводных лодках.

Ну как жить без ответов на эти вопросы «чистому ученому»?! Нет, без них он погибнет безвозвратно! Во всяком случае, в глазах своих заморских кураторов. . .

Практиковал Сутягин и такой психологический прием: в ходе лекции намеренно принижал достоинства нашей техники и, услышав в ответ: «*А у нас лучше!*» — тут же спрашивал: «*А в чем конкретно лучше?*»

Когда один из слушателей вполне резонно заметил: «*А вам-то это зачем?*» – Сутягин, почувствовав опасность, ответил, что, дескать, это нужно для обмена информацией с коллегами, – и поспешил перевести разговор на другую тему. Этот эпизод впоследствии стал достоянием сначала местного Особого отдела (военная контрразведка), а потом центрального аппарата ФСБ, ну и началось. . . .

. . . Вот оценка, которую один слушатель из Обнинска дал методу ведения лекций Сутягиным: «*Этот парень больше собирает информации, чем дает*».

Анализ проведенных Сутягиным лекций на различных объектах Министерства обороны РФ показал, что интерес его к секретам безграничен – от ВМФ до авиации и ПВО, включая комплексы С-300, самолеты марки Су и их модификации...

* * *

Игорь Вячеславович прекрасно отдавал себе отчет о характере своей деятельности и о том, какая роль предназначена ему в тандеме «Сутягин – Локк». Однажды – это было на явке все в том же Будапеште – он обратил внимание Нади на противоречие: меня, дескать, Шон Кидд заверял о работе на «некие страховые фонды» в качестве потребителей информации, а оказалось...

Нет, он не собирался доказывать Наде, что он – не мальчик, «подающий мячи на поле», а самодостаточная личность. И о «противоречии» говорил не для того, чтобы «прищучить» кураторшу. Отнюдь! В его планы не входило убеждать ее, что он давно понял, что вовлечен в шпионский промысел, и за спиной Нади стоят серьезные люди из уважаемых ведомств, и неважно, ЦРУ это или СИС!

О «противоречии» он заикнулся с одной целью – ему обязаны увеличить гонорар за поставляемую информацию!

Локк, мгновенно настроившись на заданную волну, ответила: *«Дорогой Игорь, ученые всей планеты вот уже кои веки безуспешно бьются над вопросом, что первично – курица или яйцо, яйцо или курица? Похоже, тот же вопрос возник и у вас: что первично – **ваши** информация или **наши** деньги, **наши** деньги или **ваши** информация? Действительно, наши отношения – закольцованная конструкция, и трудно сказать, “где круга этого начало, где конец”. Однако уверяю вас, что без **наших** денег не было бы **вашей** информации, то есть вы не стали бы напрягаться, если бы мы вам не платили. Разве не так? Следуя этой логике, смею утверждать, что в вашем конкретном случае первичными являются **наши** деньги, а **ваши** усилия и **ваши** информация – вторичны.*

*Вы – умный человек, Игорь, и, поразмыслив над моими словами, придете к выводу, что права **Я**. Вспомните, ведь Кидд ничего не навязывал вам, не заставлял вас что-либо делать. Он лишь высказал пожелание овладеть некоторыми знаниями в определенных областях, а **Вы** стали поставлять ему информацию. Да, некоторое время вы находились в “свободном поиске” – честь вам и хвала, что этот период вы закончили с блеском... Но время “коротких штанишек” для вас закончилось – теперь вы замыкаетесь на меня... **Я** предвидела, что со временем, вкусив от запретного плода, – получив в свое распоряжение определенный объем свободно конвертируемой валюты, – ваш аппетит разгорится. **Я** не ошиблась, посему говорю прямо – не надейтесь!»*

Такую отповедь получил Сутягин от Нади Локк (об этом он добровольно рассказал на первых допросах), когда они, беседа, бродили в Центральном парке Будапешта.

В конце концов кураторша убедила «чистого ученого» не выходить из игры и продолжить валютное сотрудничество «во имя мира на Земле»...

* * *

История с Сутягиным лишней раз свидетельствует, что общество нужно информировать о таких делах профессионально, своевременно и в полном объеме. В противном случае мы каждое новое сражение будем проигрывать и разномастным «друзьям народа», и Европейскому суду по правам человека. Лишенные объективной и своевременной информации журналисты из разноцветных российских газет в погоне за увеличением тиража своего издания строили собственные логические, но в корне ошибочные конструкции. В итоге мы имеем то,

что имеем: Сутягин, этот заурядный шпион, превращен в «жертву контрразведывательного террора» и «мученика режима», о чем свидетельствует решение Европейского суда по правам человека...

Свехприбыльный агент ЦРУ

Глава первая. Хочу быть шпионом!

Особенности национальной охоты на резидента

Морозным вечером 8 января 1977 года глава московской резидентуры ЦРУ Роберт Фултон подъехал к бензоколонке на улице Красина, где заправлялись машины иностранных дипломатов, и пристроился в хвосте длинной очереди. Не прошло и минуты, как у машины появился худощавый невзрачного вида мужчина средних лет и на скверном английском с явным славянским акцентом спросил, не американец ли он. Фултон ответил утвердительно, и в тот же миг на сиденье автомашины упал сложенный пополам лист бумаги, а мужчина поспешно удалился. Резидент профессионально огляделся и пришел к выводу, что «Невзрачный» (эту кличку американцы будут использовать в документах вплоть до установления с незнакомцем личного контакта) свой подход продумал заранее и ждал именно его, американца, так как на бензоколонке только его машина была с дипломатическими номерами посольства Соединенных Штатов.

Записка была написана на русском языке. Автор вкратце сообщал, что хочет *«обсудить чрезвычайно важный вопрос»* на *«строго конфиденциальной основе»* с *«соответствующим американским представителем»*. Предлагал скрытно встретиться либо в машине американского представителя, либо у входа в станцию метро. Определенное направление радиатора и капота автомашины с дипномерами посольства США, запаркованной в указанное им время и месте, подскажет ему, где произойдет встреча. Схема двух мест предполагаемой встречи и места парковки машины для подачи сигнала прилагались.

«Ну и ну!» – ознакомившись с посланием, воскликнул Фултон и, зажав в кулаке записку, нервно зашагал по кабинету. А нервничать было из-за чего! Ведь именно по указанной в записке схеме осуществлялись оповещение и связь с недавно поступившим в распоряжение резидентуры особо ценным агентом, завербованным ЦРУ в Латинской Америке.

«Черт подери, неужели этот малый – подстава КГБ?! Если это так, значит, там уже известны наши методы работы с “Тригоном”!¹ Да быть того не может! Скорее всего, этот невзрачный тип с мороза – просто прирожденный конспиратор... Н-да... Нет-нет, предпринимать ничего не стоит, похоже, это – тот самый случай, когда лучше выждать, чем идти на поводу у соблазна... И пусть незнакомец докажет свою лояльность передачей конкретных секретов... Впрочем, шифровку в Лэнгли отправить надо в любом случае!»

* * *

Пожелание резидента исполнилось 3 февраля. Когда он садился в машину, перед ним вновь, как фантом, возник уже знакомый мужчина. Ограничившись фразой приветствия, он бросил в машину клочок бумаги и исчез.

Хотя машина была припаркована вблизи посольства в Большом Девятинском переулке, ее из-за высоких снежных сугробов не было видно охранявшему здание милиционеру. Фултон понял, что расчет «Невзрачного» был сделан именно на это. В записке повторялась просьба о

---

¹ Тригон – Александр Огородник, старший референт министра иностранных дел СССР, до июля 1977 года работавший на ЦРУ. Россиянам старшего поколения известен как фигурант романа Юлиана Семенова и одноименного фильма «ТАСС уполномочен заявить» под кличкой «Трианон».

встрече с официальным американским представителем. Однако штаб-квартира ЦРУ и на этот раз запретила отвечать на предложение незнакомца.

Две недели спустя, вечером после рабочего дня, «Невзрачный» снова оказался у машины резидента и молча кинул на сиденье записку: *«Мне понятна ваша озабоченность возможностью провокации. Но я – всего лишь инженер закрытого предприятия и совершенно не искушен в тайных делах, поэтому, быть может, не все делаю правильно. Уверяю вас, что я имею доступ к настолько ценной информации, что она сможет изменить баланс сил в пользу Соединенных Штатов. Сведения о своей личности я не сообщаю лишь потому, что не уверен, попадет ли записка в нужные руки».*

В заключение вновь излагалась просьба войти с ним в контакт, а также давалось описание новых мест и условия встречи.

* * *

В стремлении «Невзрачного» установить контакт с сотрудниками московской резидентуры ЦРУ опытный психиатр усмотрел бы признаки гипоманиакального поведения, но Директор ЦРУ адмирал Стэнсфилд Тернер расценил его по-своему, обнаружив в его действиях подтверждение своим подозрениям, что все это провокация КГБ. Ведь известно, что русская «наружка» ведет наблюдение за американским посольством 24 часа в сутки. Какой идиот рискнет так прямо подойти?! Только тот, кому нечего терять, поскольку он – не настоящий шпион-инициативник, а действует под руководством и по наущению КГБ.

Кроме того, домогательства «Невзрачного» встретиться с представителем резидентуры пришлось на неподходящее для него время.

Во-первых, американцы готовили проведение ряда разведывательных операций в Москве. Поэтому штаб-квартира ЦРУ приказала Фултону не расплываться и сосредоточиться на запланированных мероприятиях.

Во-вторых, что важнее, Сайрус Вэнс, госсекретарь администрации вновь избранного президента Джимми Картера, вскоре должен был посетить СССР. Разумеется, Белый дом не желал осложнять взаимоотношения двух стран накануне его визита.

В результате, ввиду отсутствия информации о личности «Невзрачного» и о его доступе к конкретным секретам, хозяин Лэнгли вновь приказал проигнорировать предложение русского.

* * *

В марте Роберт Фултон, положительно оценив настойчивость русского, еще раз попытался получить согласие штаб-квартиры ЦРУ на встречу, чтобы выяснить, кто он и какую информацию может предоставить. Однако адмирал Тернер, который был известен своим притупленным разведывательным обонянием, опять запретил выходить на контакт с «Невзрачным», мотивируя свое решение «сложностями контрразведывательной обстановки вокруг резидентуры».

В мае «Невзрачный» в (!) четвертый раз штурмовал автомобиль резидента, но и на этот раз его просьба осталась без ответа. Не удался фронтальный штурм – зайдем с фланга! И спустя шесть месяцев, в ноябре, «Невзрачный» вновь атаковал. Но на этот раз «чистого» американского дипломата, когда тот вышел из автомашины, чтобы сделать покупки в валютном магазине «Березка» на улице Малая Грузинская. «Невзрачный» вручил ему конверт и попросил передать его ответственному работнику посольства США. Конверт попал к помощнику офицера безопасности посольства, а затем к резиденту. В письме были указаны новые условия встречи и схемы мест ее проведения. К письму прилагались 2 страницы печатного текста с описанием электронных авиационных систем. Оказалось, что и их недостаточно, чтобы руководство ЦРУ

поверило в искренность автора посланий. А все потому, что 15 июля Марта Петерсон и 23 августа Винсент Крокет – сотрудники резидентуры, действовавшие под дипломатическим прикрытием, были высланы из СССР за шпионаж. В Лэнгли опасались новых провалов и рассматривали намерение назойливого «добровольца» передать секретные сведения как провокацию КГБ. Между тем полученные от него данные экспертами ЦРУ были оценены как представляющие значительный интерес, но «не наносящие существенного ущерба СССР» — критерий оценки информации от лиц, с которыми возможно установление агентурных отношений. Дело опять застопорилось.

24 января 1978 года из Лэнгли вновь поступил запрет на встречу с «Невзрачным», так как неделей ранее сотрудник резидентуры Джеймс Малколм был задержан с поличным при получении материалов от другого инициативника – работника сверхсекретного объекта Красноярск-35 – и впоследствии объявлен персоной non grata и выдворен из СССР...

Если долго мучиться – что-нибудь получится!

В начале февраля 1978 года главой московской резидентуры стал Гарднер Гас Хэттавэй, один из самых опытных «охотников за головами» – вербовщиков – в американском разведсообществе. Руководство ЦРУ не могло не считаться с его авторитетом, так как в январе 1978 года он в одиночку остановил группу переодетых пожарными офицерами КГБ при попытке проникнуть в самое секретное помещение узла связи ЦРУ во время пожара, вдруг возникшего в посольстве США в Москве. Все сотрудники посольства в панике бежали, но Хэттавэй загородил собой дверь и отказался сдвинуться с места, когда появились лжепожарные с топориками в руках...

Гас не разделял точку зрения своего патрона, считая его опасения в адрес «Невзрачного» неадекватными. Аристократ с мрачным чувством юмора, он считал, что разведчики-агентуристы, как санитары природы, не питаются падалью. Они – хищники, убивающие больных животных. Мысль о том, что можно упустить «золотого козла», который сам напрашивается в силки, не давала ему покоя. В составленной в категоричном тоне телеграмме на имя адмирала Тернера он просил разрешения *хотя бы* позвонить «Невзрачному» по указанному им в одной из записок номеру телефона.

Трудно сказать, когда бы удалось «Невзрачному» войти в контакт с американскими разведчиками, да и удалось бы вообще, если бы в феврале 1978 года Пентагон не направил в ЦРУ записку о своей крайней заинтересованности в получении любой разведывательной информации о советских авиационных электронных системах.

На удачу «Невзрачного» (и Директора ЦРУ!), сведения, переданные им в ноябре 1977 года, касались, хотя и ограниченно, именно этих вопросов. И тогда адмирал Тернер согласился с предложением Хэттавэя войти в контакт с «добровольным рекрутом» для оценки его разведывательных возможностей.

В 18 часов 16 февраля 1978 года «Невзрачный» подошел к машине Хэттавэя и передал секретные документы, дополнявшие предыдущую информацию. От руки он сделал приписку: *«Из-за страха за собственную безопасность я не могу сообщить много о себе, а вы без этой информации, опасаясь провокации, боитесь установить со мной контакт. С учетом этого я предлагаю безопасное место для визуальной передачи “идентификационного ключа” – номера моего домашнего телефона за исключением двух последних цифр. В определенное время на указанной мною автобусной остановке я буду стоять, держа в руках два куска картона, на которых будут написаны две недостающие цифры номера моего телефона. Получатель записки должен увидеть и запомнить эти цифры».*

В назначенное время жена Хэттавэя, проехав мимо остановки, записала недостающие цифры телефона. Интересы сторон наконец совпали, и резидент получил добро на установление контакта с «Невзрачным».

Последующие семь лет тот будет благодарить Судьбу за то, что в лице Хэттавэя встретил и ухватил за бороду господина Счастливым Случаём.

...26 февраля заместитель резидента Джон Гюльшнер, свободно владевший русским языком, изрядно поколесив по городу – проверялся – и, не обнаружив за собой наружного наблюдения, позвонил из городского телефона-автомата по домашнему телефону «Невзрачного». Однако к телефону подошла женщина, и Гюльшнер повесил трубку. Повторный звонок 28 февраля закончился с тем же результатом. Как вдруг 1 марта 1978 года «Невзрачный» бросился к машине Хэттавэя, когда тот выехал из ворот посольства. Не медля ни секунды, бросил в машину 11 заполненных от руки страниц. Как оказалось, все они содержали разведывательную информацию о научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР) в военной авиационной радиоэлектронной промышленности Советского Союза. В приписке автор полностью себя идентифицировал, сообщив имя, адрес местожительства – высотное здание на площади Восстания, – точное место работы – НИИ «Фазотрон» Министерства радиоэлектронной промышленности СССР, а также изложил некоторые данные о своем прошлом.

В порядке лирического отступления Толкачев написал: *«Многие часы я истратил на хождение по улицам в поисках машин с дипломатическими номерами Соединенных Штатов, и, не найдя таковых, десятки раз не мог ничего передать из-за внушающих подозрение обстоятельств. А последнее время я вообще впал в отчаяние от всего этого, и если бы сегодня мне не удалось установить с вами контакт, я бы отказался от своей затеи».*

Все сомнения относительно того, является ли Толкачев двойным агентом или нет, мгновенно рассеялись, так как данные, которые он предоставил, были настолько секретны, что в штаб-квартире ЦРУ сразу поняли – КГБ никогда бы не рискнул их раскрыть.

В дальнейшем Хэттавэй лично курировал работу с Толкачевым. Факт, свидетельствующий о ценности поступавшей от него информации и о значении, которое придавалось американцами работе с ним.

Так начался для Толкачева «затяжной хакари», продолжавшийся семь лет...

«Первый тайм мы уже отыграли...»

5 марта 1978 года в 10 часов вечера Гюльшнер, убедившись, что слежка за ним не ведется, из телефонной будки вблизи Большого театра позвонил Толкачеву домой и представился «Николаем» – так предложил Толкачев в записке от 1 марта, чтобы знать наверняка, что переданная им информация попала по назначению.

В короткой беседе Гюльшнер в иносказательной форме заверил Толкачева, что «друзья» сделают все возможное и даже невозможное, чтобы обеспечить его безопасность. Придерживаясь избранной манеры разговора, разведчик добавил, что инструкции о предстоящих встречах Толкачев получит в ходе следующего телефонного разговора.

Увы, к вящему сожалению обоих, он состоялся лишь в августе, когда Управление, наконец, уладило все вопросы по организации работы с Толкачевым. Камнем преткновения, как это ни покажется странным, явились способы связи с ним.

Дело в том, что Хэттавэй настаивал на проведении личных встреч, в то время как Директор ЦРУ считал, что наиболее безопасным вариантом будут «безличные способы связи», то есть получение материалов от Толкачева и передачу ему инструкций надо осуществлять только через тайники. Сообщения агент должен будет наносить тайнописью, направляя их в разные почтовые адреса, контролируемые ЦРУ. Согласившись в конце концов с мнением патрона, Хэттавэй распорядился, чтобы Толкачева снабдили одноразовым шифровальным блокнотом

с разными ключами для отдельного письма. Каждый ключ указывался открытым текстом в письме.

* * *

24 августа Гюльшнер позвонил Толкачеву по домашнему телефону. Узнав его по голосу, сказал: *«В телефонной будке, что вторая слева от входа в ваш подъезд, вас ожидает пакет».*

Сотрудники московской резидентуры из машин снимали видеокамерой, как худощавый невзрачного вида мужчина с портфелем в руке вошел в телефонную будку, нагнулся, ловко открыл и мгновенно закрыл портфель. Наблюдатели поняли, что тайник изъят.

Тайником служила испачканная рукавица строительного рабочего, в нее был вложен контейнер, где находились несколько разведывательных заданий, тайнописная копия с инструкцией по ее применению, два письма безобидного содержания с адресами невинных получателей, одноразовый шифровальный блокнот с ключами и инструкцией. На оборотной стороне посланий Толкачев должен был разместить свои сообщения, исполненные тайнописью и зашифрованные с помощью шифрблокнота.

В сентябре все письма от Толкачева были получены и тайнопись успешно проявлена. По наличию внешних признаков эксперты ЦРУ установили, что письма вскрывались в отделе перлюстрации КГБ, но тайнопись выявить им не удалось.

Тайнописные сообщения агента содержали ценную разведывательную информацию о новых советских радарных системах воздушной разведки, об испытаниях новых авиационных радарных систем, а также о состоянии конструкторских работ по оружейно-поисковым системам для различных типов военных самолетов. В последнем письме Толкачев сообщил, что у него имеется *«сенсационный подарок для друзей»* – 91 страница секретных сведений, которые он хотел бы передать в ближайшее время.

«Только раз бывают в жизни встречи...»

Первая явка с Толкачевым состоялась морозным утром 1 января 1979 года. Гюльшнер, убедившись в отсутствии «хвоста», позвонил Толкачеву из телефона-автомата и обусловил время и место встречи. Попросил захватить с собой те самые, упомянутые в письме, «сведения на 91-й странице».

Издали завидев американца, Толкачев двинулся навстречу. После взаимных приветствий он не без патетики представился: *«Меня зовут Адольф Георгиевич Толкачев, я – ведущий специалист Советского Союза по аэронавигационным системам!»*

Гюльшнер поинтересовался, по каким признакам Толкачев смог выделить его в толпе, ведь они никогда не встречались! Сам-то разведчик, идя на встречу, не единожды просмотрел видеозапись, сделанную в августе прошлого года, во время изъятия Толкачевым тайника. Тот живо отреагировал на вопрос, пояснив, что, во-первых, Гюльшнер двигается уверенно, не качаясь, так как совершенно трезв, чего не скажешь об окружающих – ведь они всю ночь праздновали! Во-вторых, у американца, в отличие от прохожих, хорошо отглажены брюки. В-третьих... «Достаточно!» – произнес Гюльшнер и, взяв Толкачева под руку, увлек его в сторону...

Явка проходила на аллеях Московского зоопарка и длилась более 40 минут. Толкачев вручил американцу исполненные от руки многочисленные записи, содержащие подробное описание особо секретных работ, которые он вел сам, а также математические формулы, диаграммы, осциллографические графики, характеристики точного оружия и электронных систем, диаграммы и выписки из официальных документов. Гюльшнер передал Толкачеву дополнительное разведывательное задание и 500 рублей «на карманные расходы». Прощаясь,

Гюльшнер поздравил Толкачева с Новым годом и с приобретением нового имени – псевдонима «Сфиз» (Sphere) (В последующем, для пущей зашифровки, агенту будет присвоен еще один псевдоним – «Победитель» (Vanquish). На что Толкачев, находясь в крайне возбужденном состоянии, ответил: *«Не просто с Новым годом, а с наступлением новой эры в моей личной жизни!»*

На имя адмирала Тернера Хэттавэй немедленно отбил телеграмму-молнию, которая заканчивалась словами: *«Сэр, новобранец с головой окунулся в ледяные воды шпионажа, а спасательный круг – в наших руках...»*

Директор удовлетворенно потер руки – в пантеоне шпионов-инициативников появилась новая фигура – и распорядился зачислить его в категорию «особо ценных источников».

Кто вы, мистер Толкачев?

Задолго до того, как произошла первая встреча Гюльшнера с Толкачевым, рукописные листы, брошенные им в посольские автомашины, были переданы в Отдел технического обеспечения (ОТО) ЦРУ для проведения графологической экспертизы и анализа. В мае 1978 года шефу ЦРУ были доложены их результаты, где, в частности, отмечалось: *«Автор – волевой, целеустремленный, очень упрямый и чрезвычайно трудолюбивый человек. Дисциплинированная и весьма требовательная к себе и к окружающим личность. Его интеллектуальный уровень много выше среднего. Он наблюдателен и аккуратен, уделяет много внимания деталям. Он – разумно организованная персоналия и со временем способен стать полезным и разносторонним источником. Вместе с тем, присущая ему амбициозность и излишняя самоуверенность могут подтолкнуть его к совершению неблагоразумных или непродуманных действий».*

В последующем, в ходе явок с Джоном Гюльшнером, Толкачев предоставил письменную информацию о себе и своей семье. Родился он в 1927 году в Актюбинске, спустя два года был перевезен на постоянное жительство в Москву. О своих родителях он ничего не сообщал, упомянул лишь брата Юрия, работавшего механиком на железной дороге. Его жена Наталья Ивановна, в девичестве Климантович, родилась в 1935 году, работает ведущим инженером в одном с ним институте, являясь «специалистом по антеннам». Ее мать якобы была казнена в 1938 году, но причины ему неизвестны. Отец жены провел несколько лет в трудовых лагерях как «враг народа». После освобождения в 1956 году он вскоре умер.

В беседе с Гюльшнером Толкачев утверждал, что жестокое обращение с родителями его жены и перенесенные ими страдания явились ключевым фактором в его стремлении работать против советского режима. Он никогда не рассказывал о причинах преследования властями родителей его жены, но однажды обмолвился, что, возможно, гонениям они подвергались из-за того, что они евреи.

Толкачев, с его слов, всего себя посвящал семье и делал все с учетом ее интересов. В сообщениях писал, что помогает жене по дому и ему нравится ходить с ней по магазинам. Она никогда не задает вопросы, откуда у него *«разумное количество денег»*. Он объяснял: *«Я женился в 30 лет и прожил с женой 22 года. Мне 52, а жене 44 года. Очевидно, я принадлежу к тем, кто любит один раз. Я рассматриваю себя как составную часть нормальной семьи, существующей в человеческом обществе. У меня один сын Олег, родившийся в 1958 г. В 1975 г. он поступил учиться в Архитектурный институт».*

Толкачев также заявил Гюльшнеру, что никогда не скажет жене и сыну о своей работе на американскую разведку. Он подробно рассказал о своем образовании. В 1948 году прошел подготовку по оптико-механическим радарам и в 1954 году окончил Харьковский политехнический институт. С тех пор работает в НИИ «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР. Назвал себя *«ведущим системным конструктором»*. Ведет сравнительно комфортную жизнь. Его зарплата 250 руб. в месяц, плюс 40 % «надбавка за секретность», что в целом состав-

ляет около 350 руб. Зарплата его жены удваивает общий доход семьи. Позднее добавил, что получает квартальные и годовые премии за изобретения в своей области. Он и его семья проживают на девятом этаже высотного дома в комфортабельной, по московским меркам, двухкомнатной квартире, с кухней, ванной и туалетом. Его хобби – бег, катанье на лыжах, чтение книг, прослушивание радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна», «Голос Израиля», а также просмотр телепрограмм.

Со слов Толкачева, то обстоятельство, что он проживает в 400 метрах от посольства США, позволяло ему без опаски прогуливаться около посольства, когда он пытался установить контакт с американскими разведчиками.

Все время сотрудничества с ЦРУ у Толкачева возникали различные проблемы со здоровьем. Периодически он жаловался на повышенное артериальное давление, перитонит и гастрит. Во время сна у него было затруднено дыхание из-за перебитого в юности во время игры в хоккей носа. Но, несмотря на это, он старался вести активный образ жизни.

Толкачев никогда не состоял в рядах КПСС. Утверждал, что потерял бывший у него раннее интерес к политике потому, что она стала *«непроходимой лицемерной демагогией»*. По этой же причине отрицал театр, так как все пьесы, по его мнению, стали слишком политизированы. На вопрос Гюльшнера, что же подтолкнуло его искать контакт с американской разведкой, «Сфизэ» ответил, что он – *«диссидент в душе»* и сможет наилучшим образом *«содействовать делу»*, используя свой доступ к секретной информации, которая представляет ценность для Запада. В апреле 1979 года он частично пояснил свое поведение в письменном виде:

«...Я могу только сказать, что значительную роль, подтолкнувшую меня уйти в шпионы, сыграли Солженицын и Сахаров, хотя я с ними лично не знаком и прочитал только повесть Солженицына, опубликованную в журнале “Новый мир” («Один день Ивана Денисовича». – Примеч. авт.). Какой-то внутренний червь стал мучить меня, что-то нужно было делать. Я стал писать короткие листовки, которые планировал отправлять по почте. Но позднее, поразмыслив глубже, понял, что это бессмысленная затея. Устанавливать контакт с диссидентскими кругами, имевшими связи с иностранными журналистами, казалось мне неразумным по причине моего места работы (я имею доступ к совершенно секретным документам). Достаточно малейших подозрений, и я был бы полностью изолирован или ликвидирован. Таким образом, у меня родился план, который я, наконец, осуществил. Я избрал путь, который не позволяет мне вернуться назад, и я не намерен сворачивать с этого пути. Мои действия в будущем зависят от моего здоровья и изменений в характере моей работы. Что касается вознаграждения, то я не стал бы устанавливать контакт ни за какие деньги, к примеру, с китайским посольством. Ну, а Америка? Может быть, она околдовала меня и я, с ума сошедши, люблю ее? Я не видел вашу страну своими собственными глазами и не полюбил ее заочно. У меня нет достаточной фантазии или романтизма. Как бы там ни было, основываясь на некоторых фактах, у меня сложилось впечатление, что я предпочел бы жить в Америке. Это одна из главных причин, почему я предложил вам свое сотрудничество. Но я не альтруист-одиночка. Вознаграждение для меня есть не только деньги, оно – это Ваша оценка меня как личности, а также Ваша оценка важности моей работы на Вас, а они для меня дороже всяких денег».

Браво, мистер Толкачев, вы сделали нам красиво!

Первая явка с Толкачевым стала решающей. Переданная им информация объемом в 91 страницу убедила даже твердолобых скептиков, что ЦРУ имеет дело не просто со шпионом-инициативником, располагающим весомым потенциалом, а с «живым сейфом», набитым секретами. По распоряжению Директора был сформирован специальный отдел для обработки информации, предоставленной «Сфизэ». В него вошли 8 служащих с техническим образованием и 3 переводчика. В дальнейшем к ним были прикомандированы специалисты из Мини-

стерства обороны, так как сотрудники ЦРУ не могли достаточно квалифицированно выполнять работу.

Сведения, переданные Толкачевым, были чрезвычайно высоко оценены военными и гражданскими специалистами США. Все они единогласно заявили, что подобная информация ранее никогда не поступала от источников из числа советских граждан. Как отмечалось в направленном Директору ЦРУ меморандуме, который подписали многозвездные генералы Министерства обороны, *«вся информация, переданная “специальным источником”, не только относится к разряду “немедленного применения”, являясь весьма ценной для Вашингтона, но и наносит Советам прямой значительный ущерб»*. В том же документе подчеркивалось, что ценность детальной информации по новым советским системам оружия заключается еще и в том, что ее невозможно получить никакими техническими средствами разведки. Меморандум заканчивался словами: *«Руководство Минобороны США рассматривает информацию, представленную агентом, как «неподдающуюся оценке»*.

В мае 1979 г. ЦРУ провело трехдневный семинар высокопоставленных представителей военных и гражданских ведомств – потребителей информации «Сфиз». Участники однозначно отметили, что *«информация агента помогла им сократить не менее пяти лет на ведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и сэкономить десятки миллиардов долларов»*.

В заключительных материалах семинара подчеркивалось, что «Сфиз» является наиболее рентабельным агентом за всю историю ЦРУ.

Наш суперагент Олдрич Эймс, руководитель одного из подразделений в штаб-квартире ЦРУ, позже докладывал в Москву: *«Сотрудники Центрального разведывательного управления любят шутить, что Толкачев взял их на содержание, именно он окупил все бюджетные затраты Управления, буквально на блюдечке преподнес Соединенным Штатам советскую авиационную радиоэлектронику. Начнись новая мировая война, и в воздухе НАТО имела бы неоспоримое преимущество»*.

«А пароль ты услышишь в припеве...»

С января 1979 года по июль 1980 года один раз в два-три месяца Гюльшнер лично встречался с «Сфиз». За это время агент передал огромный объем сверхценной для военно-промышленного комплекса США информации. На явках ему отработывалась линия поведения, которая должна была гарантировать его безопасную и многолетнюю продуктивную работу. Кроме того, была разработана система связи, согласованы вопросы денежной компенсации и передачи вознаграждения. Много времени уделялось поиску наиболее безопасных способов максимально глубокого проникновения Толкачева к секретам НИИ «Фазотрон».

При осуществлении безличной связи американцы, разумеется, не могли привить Толкачеву шпионские навыки (действительно, *заочных курсов* для шпионов-инициативников спецслужбы еще не придумали!), поэтому его обучение как добытчика информации проводилось в ходе личных встреч. А шпионскую экипировку и инструкции он получал через тайники.

Так, в феврале 1979 года контейнер для агента был заложен в рабочей рукавице, где кроме прочего находились инструкции о различных способах связи. Например, Толкачеву могли позвонить домой по телефону один раз в месяц в день соответствующий числу месяца – в январе 1-го числа, в феврале 2-го, в марте 3-го и т. д. В эти дни он должен ждать звонка от 18 до 20 часов. Звонок будет выглядеть как ошибочно набранный номер. Имя «Ольга», «Анна» или «Нина», которое назовет звонивший, определяло местонахождение тайника. По телефону могли также спросить «Валерия», что означало проведение личной встречи в заранее обусловленном месте через час после поступления звонка. Раз в месяц, в день числа месяца плюс 15 дней – в марте 18 марта, в апреле 19-го, в мае 20-го и т. д., Толкачев должен появляться в

одном из заранее определенных мест, в конкретное время, и, в зависимости от месяца встречи, ждать пять минут. Указывались пароль и опознавательные признаки на случай возможного прихода на встречу незнакомого ему сотрудника ЦРУ. Раз в три месяца, в последнее воскресенье месяца, «Сфиэ» должен был передавать материалы через тайник. Предварительно он должен был проверить наличие сигнала о готовности принять материал и, если его прочитывал, то должен был бросить контейнер в обусловленном месте. Сигнал об изъятии тайника, который Толкачев читал на следующий день, выставлялся в определенном месте. Он был проинструктирован, какие предметы использовать под контейнер и как упаковывать в него материалы. Кроме того, он мог вызвать своего оператора на тайниковую операцию путем постановки сигнала в любой понедельник. В этом случае сотрудник ЦРУ должен был в среду определенным образом запарковать автомобиль, что явилось бы сигналом о готовности изъять контейнер. Вечером в ту же среду Толкачев должен был заложить тайник. Графический сигнал об обработке тайника разведчиками он мог увидеть на следующий день в заранее определенном месте.

По мнению аналитиков ЦРУ, иногда «Сфиэ» вел себя капризно, как засидевшаяся в девках дурнушка, которая почувствовала приближение принца, готового возложить на нее брачный венец. Так, он категорически отказался поддерживать связь через тайники. В своем письменном сообщении от 3 апреля 1979 года он недоуменно спрашивал, *«почему ЦРУ настаивает именно на таком способе связи с ним?!»* С его точки зрения, личные встречи отнюдь не подвергают его риску, да и, вообще, *«они более продуктивны»*. Он предпочел бы передавать материалы лично разведчикам еще и потому, что, всякий раз делая тайниковую закладку, испытывает страх, как бы она не оказалась в чужих руках. Ведь проанализировав находящиеся там документы, можно легко выйти на него...

Хэттавэй согласился с его доводами и проинформировал об этом штаб-квартиру в Лэнгли. В итоге с начала апреля 1979 года все внимание разведчиков московской резидентуры было переключено не на поиск мест для тайников, а на поиск мест и организацию явок со «Сфиэ». Некоторые из них пришлись на вторую половину 1979 года, более 20 – на последующие 5 лет. Всего за это время Толкачев передал ЦРУ сотни отснятых кассет и сотни письменных страниц, содержащих огромный объем сверхценной разведывательной информации.

Глава вторая. Шпионские балы-маскарады

«Джек в коробке»

С начала 1981 года офицеры-агентуристы московской резидентуры ЦРУ, действовавшие под дипломатическим прикрытием, при проведении явок со своими источниками из числа советских граждан повально использовали манекены. Справедливости ради, надо признать, что это «секретное оружие» некоторое время приносило американцам успех.

«Высокоэффективные оперативные средства и большое везение, – как отмечалось во внутреннем меморандуме ЦРУ, – позволяли проводить не зафиксированные КГБ явки с Толкачевым. Более 10 встреч были проведены с октября 1980 по ноябрь 1983 г. Несколько встреч пришлось отменить из-за усиленного наружного наблюдения за нашими разведчиками. Однако большинство было все-таки проведено в соответствии с планом. Постоянное усиленное наружное наблюдение за офицерами резидентуры заставляло их быть изобретательными в поисках оперативных средств и методов для проведения явок с «Сфиэ», впрочем, не только с ним».

Новое *антиконтрразведывательное средство*, использовавшееся в таких операциях, американцы называли «Джек в коробке» (Jack-In-the-Box – JIB). На жаргоне нашей «наружки» – «Трюк с манекеном».

«Трюк с манекеном» действовал по следующей схеме.

Выйдя из здания посольства, сотрудник резидентуры садился в машину вместе со своей женой (или с другим сотрудником). Жена – за рулем, разведчик рядом. Под ним – небольшая коробка. За несколько часов до встречи они выезжали на проверочный маршрут. Следуя по нему, в заранее намеченном месте машина после ряда поворотов на несколько секунд выпадала из поля зрения сыщиков наружного наблюдения, то есть оказывалась в «мертвой зоне». Тут же разведчик, который должен был встретиться с Толкачевым, катапультировался из машины и исчезал в первой попавшейся подворотне. Водитель тут же активировал «Джека» – нажимал кнопку, и... о, чудо! Из коробки мгновенно выпрыгивал манекен, чей силуэт был как две капли воды схож с покинувшим машину разведчиком. Резиновая кукла, заполненная сжатым воздухом, выглядела абсолютно правдоподобно. Водитель, сидящий за рулем, чтобы окончательно ввести в заблуждение следующую за ним «наружку», начинал имитировать беседу, поворачивая голову куклы с помощью незамысловатого устройства. Лишь подъехав к дому, где проживали сотрудники американского посольства, водитель на глазах ошеломленных сыщиков выпускал воздух из манекена, и упаковывал его в коробку. Все, партия выиграна!

Бойцы наружного наблюдения, конечно, понимали, что второго разведчика они потеряли, но установить его местонахождение до его появления дома или в посольстве не могли.

Тем временем американец, надев фуфайку и нахлобучив кепку до носа, пешком и в городском транспорте, проверившись и убедившись в отсутствии «хвоста», добирался до места встречи. Проведя явку, разведчик возвращался домой или в посольство. Такой способ ухода от «наружки» несколько раз успешно применялся при операциях по связи с Толкачевым.

По мнению Хэттавэя, подобный способ отрыва от наружного наблюдения нельзя было применять часто потому, что он всегда приводил к ответным мерам – к «оперативному прессингу». Попавшему под него доставалось сполна! Это – прокол шин и создание «подстав» на трассе, имитирующих повреждение машины «наружки»; многочасовая блокировка автомобиля разведчика на улицах и, наконец, *демонстративная* (а значит, изматывающая нервы!) *слежка*, когда за провинившимся (или, лучше сказать, – за подозреваемым) «бампер в бампер» неотступно, в течение многих часов, идут две-три машины «наружки»...

Как бы там ни было, но порой «Джек» был единственным способом, чтобы уйти от наружного наблюдения и бесконтрольно встретиться с Толкачевым. А уж как московская резидентура, да и вообще руководство Центрального разведывательного управления дорожили встречами с ним, читателю известно!

* * *

Спецслужбисты – оперативные сотрудники разведки и контрразведки, как и сыщики «наружки», – видят улицу, да и все вокруг, не так, как рядовые граждане. С годами это восприятие окружающего мира переходит на уровень подсознания, становится рефлексивным.

Незнакомая машина в привычном переулке, человек, который вроде бы читает газету, но на самом деле даже не отдает себе отчета в том, что держит ее в руках. Женщина в будке телефона-автомата говорит в молчащую трубку, а на самом деле – в микрофон переговорного устройства. И тот и другая одновременно ведут наблюдение за подъездом напротив!

Все это совсем не так, как показано в кино или подано в остросюжетных романах. Профессионала, который находится под наблюдением, будь он разведчик, сам факт контроля за ним не очень волнует в каждый конкретный момент – ведь операции с тайниками, как и встречи с теми, кого надо уберечь от недреманного ока контрразведки, происходят не каждый день. Даже наоборот – именно отсутствие «хвоста» начинает настораживать...

С годами между «ведомым» и «наружкой» возникает какое-то энерго– или психополе. Вроде ничего вокруг тебя не происходит, ан нет! – чувствуешь, что находишься под присмотром! Или – наоборот: а куда ж, черт подери, пропали «опекуны»!?

Опытные спецслужбисты никогда не оглядываются, остановившись «завязать шнурок», – примитивно! Кстати, шнурки на башмаках западного производства, особенно североамериканского, никогда не развязываются – их для этого покрывают воском.

Профессионалы никогда не выглядывают из-за угла, они выпрыгивают из вагона метро или электрички в последний момент перед закрытием дверей. Они играючи водят свои скоростные, но внешне неприметные машины, и не таращатся ежесекундно в зеркало заднего вида. В нужный момент они просто исчезают, причем их вроде и не в чем упрекнуть – виновата в потере «объекта» всегда «наружка»...

* * *

Как только Хэттавэй стал курировать работу со «Сфиэ», по его инициативе в посольство были доставлены девять машин с затемненными стеклами. Более того, разведчиков, действовавших под дипломатическим прикрытием, оснастили не только манекенами, имитировавшими фигуры сотрудников посольства, но и резиновыми масками для лиц, наподобие тех, которыми пользовался Фантомас в известном французском фильме.

...«Чистого» дипломата Дэвида Хилла по росту и телосложению со стороны невозможно было отличить от Хэттавэя, и он этим воспользовался сполна! Отправляясь на контрольную явку со «Сфиэ», Хэттавэй надел искусно изготовленную каучуковую маску, имитировавшую лицо Хилла. После чего преспокойно, на малой скорости выехал за ворота посольства: *«Смотрите, любуйтесь, я – Дэвид Хилл!»*

Иллюзион через некоторое время, конечно же, был раскрыт, но, во-первых, Хэттавэю удалось провести явку с новым агентом, а во-вторых... Во-вторых, к тому времени американцы уже перешли (правда, частично) на безличную связь с агентом – через «почтовые ящики», суть – тайники...

Зачем, спрашивается, все эти манекены и маски?

Американские разведчики рассчитывали с их помощью водить за нос нашу службу наружного наблюдения. Например, манекен разведчика-агентуриста, который должен был провести конспиративную встречу со своим агентом, демонстративно вывозили в какой-нибудь отдаленный район Москвы в обычной машине. Сам же агентурист в автомобиле с затемненными стеклами уезжал в противоположном направлении. С этой же целью, чтобы сбить с толку «наружку», использовались и маски.

Маскарадные пристрастия американских разведчиков были различными.

Майкл Селлерс, «сидевший под корягой» – действовавший под прикрытием второго секретаря посольства США в Москве, – очень любил «похипповать»: отправляясь на встречу со своими источниками из числа советских граждан, наклеивал усы и натягивал лыжную шапочку с приделанными к ней волосами до плеч.

В таком виде он и был задержан 10 марта 1986 года во время проведения явки с агентом «Коул» – майором Сергеем Воронцовым, сотрудником Управления КГБ по Москве и Московской области. Кстати, имя изменника до самого последнего дня его инициативного сотрудничества с ЦРУ не было известно его американским кураторам. Это был, пожалуй, единственный постулат конспирации, которым овладел и до конца соблюдал Воронцов...

Мистер «Инкогнито»

Поздним июльским вечером 1984 года в квартире второго секретаря политического отдела посольства США в Москве Джона Фини раздался телефонный звонок. Мужчина на ломаном английском, который выдавал в нем славянина, путая слова заученных наизусть фраз, предложил хозяину квартиры срочно встретиться по совершенно неотложному делу.

Место встречи, названное незнакомцем, находилось от дома Фини в двух минутах езды на машине. Американец, следуя инструкциям Госдепартамента, устным рекомендациям посла и резидента ЦРУ, предписывавшим «чистым» дипломатам принимать любые материалы и самые сумасбродные предложения от советских граждан, как был в пижаме и в домашних тапочках, сломя голову ринулся к месту неурочного свидания.

Опасаясь подвоха, Фини не вышел из машины, а лишь слегка опустил боковое стекло. Невесть откуда появившийся призрак просунул в щелку пачку бумаг и тут же растворился в темноте.

На следующее утро сотрудники резидентуры подвергли тщательному исследованию ночные «трофеи». В них они обнаружили отпечатанное на машинке письмо с предложением о сотрудничестве и в качестве подтверждения серьезности намерений автора и брошюрку – «Информационный бюллетень Второго главного управления», печатный орган центрального контрразведывательного органа КГБ СССР, значившийся под грифом «Совершенно секретно». В этом номере давалось детальное описание ухищрений американских разведчиков, к которым они прибегают, чтобы оторваться от «хвоста», следуя на встречи со своими осведомителями, а также меры, предпринимаемые нашей «наружкой», чтобы свести на нет усилия американцев.

Американцы пришли к заключению, что инициативник знаком с методами конспирации не понаслышке, так как предложил весьма сложный вариант установления личного контакта. В случае согласия с его условиями выплаты вознаграждения сотрудники резидентуры должны поставить машину с дипломатическими номерами посольства США в определенный час напротив магазина «Буккнига» на Кузнецком мосту мотором к тротуару.

После этого на стене мужского отделения общественного туалета в Артистическом проезде фломастером будут нанесены семь цифр. Помноженные поочередно на единицу, двойку

и тройку, они в итоге дадут номер телефона, у которого в назначенное время будет дежурить «ночной телефонист».

Упустить шанс заполнить еще один источник информации – не в правилах уважающей себя спецслужбы, поэтому все было сделано так, как предлагал «инициативник».

На первой встрече Воронцов предупредил пришедшего на встречу Майкла Селлера, а через него своих потенциальных работодателей, что сохранение его анонимности – в их общих интересах. Единственное, что он может сообщить о себе, – это имя и место работы. Зовут его Стас, он – сотрудник Второго главка.

Это место службы Воронцов выбрал намеренно – в ЦРУ должны знать, что имеют дело с достойным партнером, и «Информационный бюллетень» – тому подтверждение.

Воронцов, хотя должность занимал ничтожную – всего лишь заместитель начальника отделения Управления КГБ по Москве и Московской области, – прекрасно отдавал себе отчет, что чем значительнее место службы, тем весомее оплата.

Изменнику удастся ввести в заблуждение своих заокеанских хозяев – они щедро отблагодарят его услуги, выплатив в общей сложности более 30 тысяч долларов, а об истинном месте его работы узнают лишь после того, как он будет разоблачен и расстрелян.

Воронцов отказался от предложенных американцами способов связи. Тайники, односторонние радиопередачи, письма на подставные адреса, контролируемые ЦРУ, – все это не для него. Он берет инициативу в свои руки и диктует свои правила. Прежде всего, он настаивает только на личных встречах с сотрудниками московской резидентуры – так, по его мнению, причитающиеся ему деньги быстрее окажутся в его в кармане. Он предлагает свой вариант связи. Телефон, номер которого он сообщил американцам, якобы установлен по соседству с его кабинетом. У него имеется ключ-отмычка, с помощью которого он в обусловленное, разумное, нерабочее время, будет ожидать условных звонков и договариваться о встречах.

В Лэнгли приняли все условия Воронцова. Еще бы! Ведь он работает во Втором главке, а значит, может содействовать обеспечению безопасной деятельности московской резидентуры, да и не только! Через него можно будет получать информацию о намечаемых центральным контрразведывательным органом КГБ мерах по противодействию разведывательным устремлениям ЦРУ на территории всего СССР! Ничего себе подарок Судьбы, есть от чего испытать головокружение!

Сначала лже-Стасу присвоили псевдоним «Инкогнито», который затем заменили на «Cawl» (Монах).

На первой же явке Селлерс вручил ему 10 тысяч долларов (что по курсу «черного рынка» составляло 45000 рублей, или равнялось стоимости более шести а/м «Жигули» ВАЗ-2101). Не забыли заботливые кураторы из ЦРУ к конверту с «баксами» приложить и вопросник-задание. Увы, не скоро они получают ответы, ибо Воронцов рассудил так: раз поверили, значит, ценят, а ценят, значит, подождут, да и вообще: «Дольше едешь – больше командировочных»...

На радостях от привалившего богатства новоиспеченный торговец секретами взял отпуск и отправился с женой кутить в Сочи! Поспешный отъезд, а затем ночные телефонные звонки оттуда немало удивили коллег и друзей Воронцова. Вдребезги пьяный, он звонил, чтобы поделиться впечатлениями от меню на завтрак, обед и ужин, от концертов, на которых он успел побывать, от общения со звездами кино и эстрады, с которыми загорал на пляже интуристской гостиницы «Жемчужина» и прочая, прочая, прочая...

На все вопросы, откуда он взял деньги на поездку, Воронцов отвечал стандартно-примитивно: мол, почившая в бозе бабушка оставила наследство.

Вызывает удивление другое: почему даже близкие друзья-коллеги никогда не поинтересовались, откуда у Воронцова, вечно стрелявшего «чирики» до зарплаты, вдруг случилась бабушка-дароносица, которая не только сумела так скоропостижно умереть, но и оставить изобильное наследство?..

«Каул» регулярно информировал Селлера о том, как Комитет ведет наблюдение за сотрудниками московской резидентуры, работающими под дипломатическим прикрытием. Во время последней, провальной явки передал Майклу Селлерсу, своему оператору, образцы «шпионской пыли», которой сотрудники Службы наружного наблюдения обрабатывали автомобили американских дипломатов, подозреваемых в проведении разведывательных акций против СССР.

«Шпионская пыль» – спецпрепарат, изобретение секретных лабораторий КГБ, позволявший контрразведчикам с помощью особых датчиков выявлять советских граждан, осведомителей сотрудников московской резидентуры ЦРУ.

Подвез американский разведчик своего осведомителя на машине, салон которой обработан «пылью», – микрочастицы осели на неопределенно продолжительное время на коже и одежде пассажира, и на всех предметах, к которым «сладкой парочке» довелось прикасаться. «Пыль» невозможно удалить ни водой, ни паром...

Кстати, по вине изменника Воронцова в 1986–1987 годах в западных СМИ настойчиво муссировался вопрос о вреде «шпионской пыли» для здоровья дипломатов. Она якобы при попадании на кожу способствует образованию раковых опухолей. В парламенте Великобритании, к примеру, нашлись горячие головы, обвинявшие КГБ и правительство СССР в нарушении каких-то несуществующих международных конвенций, которые якобы запрещают использование подобных химикатов. Сушая ерунда! «Пыль» совершенно безвредна, о чем свидетельствует ее непреходящее использование нашей контрразведкой...

...Коллега Селлера, работавший в такой же должности – второй секретарь посольства, – любил наряжаться рабочим и носил темные очки. А один из «атташе» посольства даже переодевался в женское платье – в таком наряде он проводил шпионские операции. Наши сыщики наружного наблюдения по этому поводу шутили: «Опять появилась эта дама приятной внешности, значит, на серьезное дело идет!»

Впрочем, используя в качестве камуфляжа женскую одежду, американские разведчики не понимали, что занимаются самообманом и саморазоблачением: в качестве демаскирующего признака была их... походка, ведь для опытного глаза не составляет труда отличить грациозную женскую поступь от твердых и решительных движений мужчины.

Кстати, человеку, не посвященному в эти премудрости, трудно поверить, но походка у представителей различных рас – белой, черной и желтой, действительно имеет много отличий.

Вообще, опытные сыщики наружного наблюдения сначала запоминают походку объекта, а потом уже остальные внешние признаки...

* * *

Сотрудники московской резидентуры, проводившие явки с «Сфиэ», для обмана «наружки» применяли и другие способы маскировки. Так, 12 июня 1980 года Джон Гюльшнер приехал в американское посольство, якобы по приглашению проживавших там коллег. Демонстративно вышел из авто в роскошном смокинге и в шляпе чикагских гангстеров 1930-х годов «борсалино». Чтобы ввести в заблуждение ожидавшую его на выходе «наружку», он перед выходом из здания обрел внешний вид рядового московского работника: сменил смокинг на фуфайку, шляпу – на рабочую кепку, съел головку чеснока и вылил на себя бутылку водки. В этом безобразном виде, покачиваясь, вышел из ворот посольства и достиг одному ему известной «мертвой зоны», где его ожидало заранее запаркованное авто. Сел в машину и был таков. Убедившись, что за ним нет «хвоста», за сто метров до места встречи оставил машину и пеш-

ком добрался до телефона-автомата. Позвонил агенту и встретился с ним в заранее обусловленном месте.

Это продолжалось до 14 октября 1980 года, пока не закончилась московская командировка Гюльшнера.

В последующем вся резидентская рать, заменившая Джона Гюльшнера, постоянно, хотя и в разных вариациях, использовала этот способ маскировки для выхода на явки с Толкачевым, которые с некоторых пор проводились в его автомобиле «Жигули», незадолго до этого приобретенном на деньги ЦРУ...

Глава третья. Трудовые будни – праздники для нас!

Храните деньги в сберегательных «баксах»!

В своих сообщениях в ЦРУ Толкачев утверждал, что получаемые деньги он рассматривает как оценку важности поставляемых им сведений, а также его персоны, а не как стремление к обогащению. Эти его попытки представить себя бескорыстным борцом с советской властью вызывали у его работодателей в лучшем случае скептические улыбки. Вместе с тем, предоставленная «Сфиэ» информация была настолько высокой пробы, что в Лэнгли всерьез задумались о размере вознаграждения для ее поставщика...

Вопрос о вознаграждении впервые возник на второй явке со «Сфиэ» в апреле 1979 года. Во время 15-минутной прогулки у Патриарших прудов агент передал Гюльшнеру семь фотокассет, отснятых миниатюрной камерой, и более 50 рукописных страниц важной разведывательной информации. В примечании написал, что предполагает передавать информацию в течение 12 лет, которые делит на 7 этапов, при этом хотел бы получать вознаграждение по завершении каждого этапа. Добавил, что не получил адекватной компенсации как за первый год, так и за полгода *«отчаянных попыток сломать стену недоверия»*. По его мнению, несколько десятков тысяч рублей могли бы стать справедливой платой за его страдания, которые он претерпевал в течение полутора лет. В будущем, по мере передачи материалов о новых научных разработках в «Фазотроне», он намерен просить сумму, выражающуюся шестизначной цифрой.

В октябре 1979 года «Сфиэ» вновь поставил вопрос о вознаграждении. В ответном послании ему было объявлено, что Директор ЦРУ утвердил его вознаграждение в сумме, эквивалентной 100 000 рублям за информацию, переданную за предыдущий период сотрудничества. В ответ на это агент уточнил, что когда он говорил о шестизначной цифре, то имел в виду «шесть нулей», а не «шесть цифр». Пояснил, что, прослушивая передачи «Голоса Америки», узнал, в какую сумму было оценено предательство старшего лейтенанта Беленко, угнавшего в Японию сверхсекретный советский МИГ-25. Когда самолет был переправлен в США, американские специалисты подсчитали затраты на его создание – 3 миллиарда рублей. Администрация США выплатила Беленко 0,1 % от стоимости самолета. *«Если это не пропагандистский трюк, – писал Толкачев, – то я считаю, что несколько миллионов долларов за информацию о новых советских авиационных электронных технологиях, которую я намерен передать ЦРУ, не является уж столь фантастической ценой»*.

В Лэнгли сделали вывод, что «Сфиэ» отлично знает цену секретам, которые передает, и отнюдь не склонен торговать ими по дешевке. Руководство ЦРУ, опасаясь, что с появлением такого ненасытного «новобранца» в его бюджете может образоваться брешь, вышло в конгресс с ходатайством об увеличении финансирования. Инициатива была поддержана Министерством обороны США. Действительно, в 1980 году бюджет ЦРУ был увеличен на 500 млн и составил 5 миллиардов 500 миллионов долларов. Тысячная доля – 5,5 млн долларов – этой суммы пойдет на оплату услуг «Сфиэ»...

На первой явке Гюльшнер предупредил Толкачева, что агент, получающий много денег и «бездумно швыряющий их налево и направо», вызывает огонь на себя – привлекает внимание контрразведки, а кураторов заставляет излишне беспокоиться. Отвечая на этот посыл, Толкачев в апреле написал, что *«намерение опрометчиво тратить деньги никогда у него не возникало»*. Он уже имеет средства для покупки автомашины и дорогой дачи. Хотя он никогда не хотел иметь машину, но, возможно, купит ее – все будет зависеть от *«моих отношений, складывающихся с сыном»*. Он также отметил: *«Ни я, ни моя жена не имеем склонности к*

жизни *“на природе”*, но не исключаем возможности покупки небольшого дома в Подмосковье». Возможно, понимая, что его требования о деньгах могут показаться непомерными, «Сфиэ» в апрельском письме подчеркнул: *«Основная моя цель в работе с ЦРУ состоит в передаче максимального количества информации в кратчайшее время. Я знаю, что конец может прийти в любой момент, но это не пугает меня, я буду работать до конца»*.

На следующей явке в декабре 1979 года Толкачев заявил, что понимает, что его требования о величине жалования являются нереальными. Он выдвинул их лишь для того, чтобы выяснить, как высоко оценивает его труд руководство ЦРУ. Принимая от Гюльшнера более 100 000 рублей, заметил, что это значительно больше, чем те *«гроши, которые ему заплатили прежде»*. Добавил, что в действительности не нуждается в деньгах, и берет их не для того, чтобы тратить, а исключительно для хранения. Просил не приносить деньги на следующую встречу. Еще раз подчеркнул, что деньги для него являются лишь доказательством того, что ЦРУ действительно высоко оценивает его работу.

В мае 1980 года вопрос о размере вознаграждения Толкачева был окончательно решен. Ему было объявлено, что *«в 1979 г. он получил сумму, равную жалованию президента США, а в последующие годы будет получать даже больше, пока будет добывать информацию, подобную ранее переданной»*. Другими словами, работодатели из ЦРУ откровенно подталкивали Толкачева работать по принципу пилы: *«Ты – нам, мы – тебе»*.

Гюльшнер проинформировал «Сфиэ», что все заработанные им деньги будут депонированы в американском банке, и станут доступными для него в любое время, как только он определится с выездом в США. В то же время этот депонент будет приносить ему ежегодно 8,75 % дохода, и этими деньгами он может уже сейчас распоряжаться по своему усмотрению.

В одном из своих сообщений Толкачев написал, что хочет пожертвовать некоторую часть денег российскому диссидентскому движению. Прежде он не поднимал этот вопрос потому, что вопрос о его гонораре не был еще решен, а он *«не хотел делить шкуру не убитого медведя»*. Сейчас, когда соглашение о выплате ему конкретных сумм достигнуто, он хотел бы изыскать возможность и отдать часть заработанных им денег семьям диссидентов, пострадавших от репрессий советской власти. Самое сложное – найти безопасный путь, и в этом деле ему может помочь только Центральное разведывательное управление.

Однако в Лэнгли намерение «Сфиэ» помочь «российскому диссидентскому движению» восприняли как уловку коммерсанта, пытающегося броскими лозунгами прикрыть желание урвать куш посулнее. Кураторы агента в штаб-квартире ЦРУ были уверены, что «помощь семьям диссидентов» – не более, чем высокопарные слова, игра в благородство, и существуют они напоказ и только для них. А в его душе – лишь меркантилизм и надежда по максимуму конвертировать в денежные знаки свой потенциал сотрудника сверхсекретного НИИ «Фазотрон».

На ближайшей явке Гюльшнер вручил Толкачеву письмо, изготовленное в Лэнгли: *«Дорогой друг! Отдав деньги семьям подвергнувшимся репрессиям диссидентов, не рассчитывайте на ответный поцелуй! Знайте, что, передавая нам созданные Вами нематериальные ценности в виде аутентичной информации, Вы служите благородной цели уравнивать шансы двух супердержав для сохранения мира на Земле. Своим альтруистским жестом в адрес советских диссидентов Вы подвергаете себя опасности, и нас это, в силу взятых на себя обязательств, не может не беспокоить. Ибо у нас нет больших забот, чем обеспечение Вашей безопасности и комфортных условий для Вашей плодотворной работы во имя выбранной Вами великой цели. Да хранит Вас Господь!»*

Ах, эта фотосъемка!..

Толкачев не уставал обременять заботами своих кураторов из Лэнгли. Помните, как категоричен был он в своем отказе сноситься с сотрудниками московской резидентуры ЦРУ через тайники? Так вот, он взбрыкнул еще раз, когда в феврале 1979 года ему для пересъемки технической документации была передана миниатюрная фотокамера, которую он должен был использовать на своем рабочем месте. Он заявил, что, похоже, его работодателям наплевать на качество снимков, которые он должен им предоставить, ибо того освещения, которое имеется в его рабочем помещении, совершенно недостаточно для фотосъемки. Кроме того, камеру из-за ее размеров (спичечный коробок) ему очень трудно устойчиво держать в руках. Да и вообще, она щелкает слишком громко, и, ко всему, он вынужден подкладывать под нее книги, чтобы при съемке выдерживать дистанцию в 30 см. Выказав претензии, Толкачев потребовал передать ему обычный 35-мм фотоаппарат. Пояснил, что ему удобнее переснимать документы дома, куда он обычно уходит из института на обеденный перерыв. Там ему никто не мешает – жена находится на работе, а сын – в институте. Идя навстречу пожеланиям агента, в июне 1979 г. Гюльшнер передал ему 35-мм фотокамеру «Pentax ME» и портативный штатив для ее крепления к спинке стула.

Результаты не заставили себя ждать. Для сравнения: на явках в апреле и июне 1979 года Толкачев передал десяток кассет, отснятых миниатюрной камерой, и большинство из них оказались нечитаемыми. А после того, как ему был вручен «Pentax ME», он на явках, состоявшихся в октябре и декабре 1979 года, передал более 150 кассет, экспонированных в домашних условиях, и все они были великолепного качества. К кассетам было приложено описание того, что он фотографировал.

Между тем в штаб-квартире ЦРУ продолжали размышлять, как заставить Толкачева производить фотосъемку документов непосредственно на рабочем месте, а не таскать их домой, рискуя быть задержанным с поличным на выходе из института. С этой целью в октябре 1979 года ему были переданы две усовершенствованные шпионские фотокамеры, созданные Отделом технического обеспечения ЦРУ. В декабре ему были переданы еще четыре такие камеры, закамуфлированные под амулеты, авторучки и противогриппозные нюхательные карандаши. Они не могли привлечь внимание коллег Толкачева, так как в Союзе свирепствовала эпидемия гриппа. Одной такой камерой можно было сделать 100 снимков...

Передача Толкачеву шпионских фотокамер пришлось как нельзя кстати. В декабре 1979 года в «Фазотроне» были введены новые правила режима секретности. Прежде сотрудники института могли брать из библиотеки неограниченное количество секретных документов и пользоваться ими весь рабочий день. Теперь же при получении документов нужно было оставлять в библиотеке пропуск в институт. Толкачев не смог брать документы домой, т. к. при выходе из института должен был предъявлять пропуск, поэтому в течение нескольких месяцев он не мог отсылать в ЦРУ экспонированные кассеты с фотографиями секретных документов. Он также сообщил в ЦРУ, что единственным безопасным местом для фотосъемки является мужской туалет института, где он имеет возможность переснимать документы четырьмя камерами из шести имеющихся у него.

С учетом новых правил режима секретности Толкачев предложил ЦРУ изготовить ему дубликат пропуска в институт. Его он будет оставлять в библиотеке в обмен на документы, а по оригиналу выходить из института на обеденный перерыв и дома проводить фотографирование. Для этого он сделает вид, что потерял свой пропуск, и, таким образом, сможет передать его сотруднику ЦРУ для изготовления дубликата. В ответном послании его попросили дать цветное фото пропуска и описать, из какого материала он сделан. Как вдруг в феврале 1980 года были введены дополнительные правила по режиму, которые тут же создали массу неудобств

для женщин, составлявших большинство сотрудников института. Теперь они были лишены возможности выходить в город за покупками в обеденный перерыв. Сотрудницы не могли сдавать документы и получать взамен пропуск по той причине, что у работниц библиотеки в это время также был обеденный перерыв. Возмущение женского коллектива института было так велико, что отдел КГБ, обслуживавший «Фазотрон», вынужден был отменить новые правила режима. Их отмена позволила Толкачеву возобновить вынос и пересъемку документов у себя дома. Уже в июне 1980 года Толкачев передал оператору почти 200 кассет – самое большое количество документов, которое он приносил на явку за все время работы на ЦРУ!

Ведомственные восторги

Высокопоставленные военные и гражданские чиновники – потребители информации, поставляемой Толкачевым, заливались соловьями, давая ей высочайшую оценку. Так, в меморандуме Министерства обороны от 17 декабря 1979 года, направленном Директору ЦРУ, отмечалось: *«На основании информации вашего источника ВВС США полностью пересмотрели свой многомиллиардный проект для одного из своих последних самолетов. (Имеется в виду самолет-невидимка «Стелс». – Примеч. авт.)*

В марте 1980 года на совещании руководителей ЦРУ информация, полученная от «Сфиэ» о последнем поколении советских ракет «земля – воздух», заслужила высшую похвалу: *«Мы никогда прежде не добывали такой подробной и точной информации об этих системах ракет до их развертывания». И далее: «Эта информация не только подтверждается данными, полученными техническими средствами разведки, но и дополняет их весьма важными деталями, которые не могут быть добыты никакими другими средствами».*

В апреле 1980 года во внутреннем меморандуме ЦРУ информация Толкачева об успешных испытаниях советских радарных систем для самолетов истребителей была названа *«уникальной»* – подобные данные США пытались получить многие годы, но они были недоступны для технических средств разведки.

В июне 1980 года Толкачев передал ЦРУ исчерпывающие сведения по новым авиационным разработкам, а также обширные данные по модификации одного из советских истребителей и, наконец, документы по нескольким новым типам военно-воздушных ракетных систем. Внутренний меморандум ЦРУ в связи с этим отмечал: *«Даже если Толкачев будет разоблачен завтра, то переданная им информация останется ценной еще не менее 8—10 лет. Именно столько лет потребуются СССР на создание, проведение испытаний и технологического развертывания, чтобы заменить все то, что выдано ЦРУ агентом».*

В сентябрьском 1980 года меморандуме Министерства обороны отмечалось: *«Данные, предоставленные “Сфиэ”, не имеют срока давности, они повышают эффективность американских военных систем и способствуют сохранению жизни наших людей и оборудования. Информация источника является своего рода вектором для определения нужного направления в многомиллиардных американских НИОКР, ее ценность в этом деле огромна».*

Суммируя вышесказанное, аналитики ЦРУ в справке, составленной на имя Директора, пришли к следующему заключению: *«С января 1979 по июнь 1980 г. “Сфиэ” добыл и передал нам чрезвычайно большое количество невероятно ценной разведывательной информации для американских военных. Его информация, безусловно, способствует победе США в случае возникновения военной конфронтации и принесет поражение Советскому Союзу».*

«Если смерти, то мгновенной...»

В среде спецслужбистов бытует мнение, что оптимизм в разведке происходит от недостаточной информированности состава, поэтому в контрразведке преобладают пессимисты.

Думается, что эта неоднозначная истина не относилась к работодателям «Сфиэ». Они, будучи реалистами, с самого начала операции «Толкачев – ЦРУ» отдавали себе отчет в том, что рано или поздно ей придет конец. Вопрос был в том, когда и как. Закончится ли она захватом Толкачева советской контрразведкой, или агента придется вывозить в США при возникновении опасности его провала? Учитывая беспримерную ценность информации Толкачева, которая обезоруживала СССР и помогала США стать лидером на мировой арене, в Лэнгли не могли не печься о его судьбе. Кураторы были готовы вывезти Толкачева с семьей на территорию США. Но при этом им хотелось отсрочить этот вариант на более поздний срок, чтобы полностью реализовать ресурс «Сфиэ» и максимально использовать его доступ к советским секретам военной и государственной важности!

Мысль о том, что когда-то пробьет час расставания с ЦРУ, приходила в голову и Толкачеву. Реакция его на это была своеобразной. Она сначала удивила, а затем обрадовала его кураторов. Так, в сообщении, переданном в ЦРУ в апреле 1979 года, Толкачев категорично потребовал выдать ему капсулу с ядом, заявив: *«Я не намерен разговаривать с органами КГБ в случае задержания»*. Свое требование он повторил в октябре 1979 года, и с тех пор не переставал поднимать этот вопрос во всех своих сообщениях в ЦРУ. Сначала в штаб-квартире его задумку отвергли с порога, однако в дальнейшем пришли к выводу, что Толкачев не отступит и будет настаивать на своем. Но Стэнсфилд Тернер, пристально следивший за успехами чрезвычайно плодовитого агента, категорически запретил снабжать его ядом, о чем Толкачев был поставлен в известность на очередной явке. Узнав об этом решении, «Сфиэ» 7 июня 1980 года передал через Гюльшнера письмо на имя Директора ЦРУ, в котором детально описал, какому риску он подвергается, и в этой связи настаивал немедленно снабдить его *«средством для совершения самоубийства»*.

Кроме того, в письме Толкачев посетовал, что ему поставлено большое количество разведывательных задач, большую часть из которых он не в состоянии решить, т. к. не имеет прямого доступа к нужным документам. Для решения этих задач ему приходится просматривать многие материалы в библиотеке института. Однако эти материалы не имеют никакого отношения к теме, над которой он непосредственно работает. Чтобы ознакомиться с указанными материалами, он обязан расписаться в особом регистрационном журнале. Хуже того, он должен предварительно получать разрешение от другого института или ведомства, чьи документы хочет просмотреть.

Толкачев особо отметил, что если КГБ когда-нибудь заподозрит утечку информации из проектов, над которыми он работает, то в результате проверки документов и разрешительных подписей на их получение он сразу же станет главным подозреваемым. Следующим шагом КГБ будет осмотр его квартиры, *«и тогда вещи, которые я прячу от моей семьи, я никогда не смогу спрятать от КГБ. Если Вы глубоко вникнете в ситуацию, в которой я нахожусь, Вам будет легче понять мое стремление как можно скорее получить “средства защиты”. Имея в наличии “средства для самоубийства”, я смогу сохранить в тайне весь набор действий и методов, с помощью которых я выполнял Ваши поручения»*.

В письме от 7 июня 1980 года Толкачев дал положительный ответ на предложение ЦРУ вывезти его вместе с женой и сыном в США. Настоятельно просил разработать операцию по вывозу как можно скорее, а также сообщить ему, что он должен предпринять для ее осуществления.

Идя навстречу требованиям «Сфиэ», ЦРУ снабдило его ядом. На очередной явке Гюльшнер передал ему авторучку «Ленинград», в которую была вмонтирована капсула с ядом моментального действия.

Со слов Барри Ройдена, бывшего сотрудника Оперативного директората ЦРУ, доводы Толкачева в пользу передачи ему *«средства для самоубийства»* вызвали у его кураторов восторг и умиление. *«Невероятно, – отмечалось в аналитической записке ЦРУ, – но “Сфиэ”, в*

случае провала, не только заботился о личной судьбе, но и особо подчеркнул важность того, чтобы советские органы госбезопасности не смогли установить, что именно он передал нам, и этим самым затруднить их усилия по оценке и восстановлению нанесенного им ущерба».

Однако среди высших чинов Лэнгли нашлись и такие офицеры, которые скептически оценили жест агента и смотрели на него, как на австралийского аборигена, который, неведомо зачем, просит научить его играть на арфе...

На наш взгляд, все рассуждения Барри Ройдена и иже с ним о каком-то категорическом запрете адмирала Тернера выдавать яд Толкачеву – не более, чем святочная сказочка для не посвященных в закулисные американской разведки. Последующие – в 1985–1991 годах – задержания и допросы шпионов, «таскавших каштаны из огня» в пользу США, подтвердили правоту аналитиков КГБ, что всем своим агентам – советским гражданам ЦРУ в обязательном порядке вручало ампулы с моментально действующим ядом. Делалось это вовсе не из гуманных побуждений. Руководство Управления заботилось не об облегчении участи провалившихся наймитов во время их пребывания в «лубяньских застенках». Отнюдь! ЦРУ беспокоили *последствия разоблачения и безопасность работавших со шпионами американских операторов*. В Лэнгли пеклись лишь о том, чтобы достоянием Комитета госбезопасности не стали сведения о методах работы с агентами, о способах их зашифровки, объеме выплат, способах поддержания связи, ухищрениях и т. д. и т. п., о которых на допросах мог бы поведать провалившийся «крот».

Дуэль «радиовыстрелами» без секундантов

В сентябре 1980 года штаб-квартира ЦРУ предложила для использования (как возможную для связи с Толкачевым в случае угрозы его разоблачения) систему под названием «Коротковолновая связь с агентом» (*Shot-Range Agent Communication, SRAC*). Толкачев мог ее применить в двух случаях: если бы ему понадобилось срочно вызвать оператора на встречу или обменяться с ним срочной информацией, без выхода на личный контакт. По мнению технарей ЦРУ, эта система не имела аналогов в мировой практике шпионажа. Она состояла из двух одинаковых устройств – одно для оператора, другое для агента. Каждое устройство было размером в две пачки сигарет, сложенных в длину. К нему прилагались антенна, доска с клавиатурой на русском и английском языках, комплект батарей питания, зарядное устройство и инструкция.

Перед сеансом передачи агент и оператор вводили свои сообщения, печатая текст на клавиатуре. Во время ввода текст автоматически зашифровывался. Устройство могло передать сообщение, состоящее из несколько тысяч знаков. При отсутствии значительных механических преград дальность его действия составляла несколько сотен метров. Устройство было запрограммировано на передачу сообщений выбросом текста в эфир в течение нескольких секунд, так называемым «радиовыстрелом». При поступлении текст автоматически проходил через дешифратор, и его можно было читать на экране, вмонтированном в устройство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.